

ИСТОРИЯ ТАТАР

Сергей БЕЛОВ

Татарские промышленники

Сергей БЕЛОВ

Татарские промышленники

Казань
Татарское книжное издательство
2017

УДК 94(47):94(470.41)
ББК 63.3(2Рос=Тат)51/524
Б43

Автор идеи серии «История татар» — **Б. Л. Хамидуллин**

*Перепечатка материалов книги без ведома издательства
является нарушением Закона Российской Федерации
«Об авторском праве и смежных правах» и преследуется по закону*

Белов, С. Г.

Б43 Татарские промышленники / Сергей Белов. — Казань : Татар. кн. изд-во, 2017. — 67 с. :
с ил.
ISBN 978-5-298-03353-4

Книга посвящена татарской промышленной буржуазии второй половины XIX — начала XX в., её экономической и общественной деятельности, повседневной жизни в условиях глубокого обновления российского и татарского обществ.

ISBN 978-5-298-03353-4

УДК 94(47):94(470.41)
ББК 63.3(2Рос=Тат)51/524

© Татарское книжное издательство, 2017
© Белов С. Г., 2017

Предисловие

Во второй половине XIX в. российскую промышленность охватили очень глубокие изменения. С одной стороны, бурный научно-технический прогресс привёл к началу индустриальной революции и превратил ручную мануфактуру в паровую фабрику. С другой стороны, стремительно развивались рыночная экономика, капитализм, возникали новые формы организации хозяйства. Росла роль промышленной буржуазии не только в экономике, но и в социальной, культурной, политической и прочих сферах жизни.

Как же во всём этом участвовала татарская буржуазия, как она адаптировалась к новым условиям? Этим вопросам посвящена наша книга. Хочется особо отметить, что они представляют не только исторический интерес. Опыт, традиции татарских промышленников и сегодня могут многому научить всех, кто выбрал предпринимательскую стезю. Поэтому наша книга не претендует на полную объективность. Нам хотелось бы в первую очередь подчеркнуть то лучшее, что можно применить и сегодня.

При написании книги активно использовались наработки предшествующих исследователей. Среди них нужно выделить Х. Х. Хасанова, который впервые рассмотрел этапы развития капитализма и формирования буржуазии у татар, Р. Р. Салихова и Н. И. Таирова, охватывающих широкий спектр жизни татарского предпринимательства в масштабах Российской империи. Отдельным сторонам его жизни, губерниям и династиям посвящены работы Л. Р. Габдрафиковой, Л. М. Свердловой, М. З. Гибадуллина, Ф. Ф. Нигамедзинова, Л. А. Мухамадеевой, А. М. Рафикова. В то же время работ, специально посвящённых татарским промышленникам, ещё не издавалось.

Для работы над книгой привлекались исторические источники: справочные и статистические издания, каталоги промышленных выставок, архивы, статьи, напечатанные в «Журнале Министерства внутренних дел» и «Журнале мануфактур и торговли», газете «Казанский телеграф».

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Почти все, кто писал о российских татарах середины XIX в., отмечали их «предприимчивый характер» и «страсть» к всевозможным прибыльным операциям, называли «народом, очень склонным к коммерции». Этот своего рода культ богатства не противоречил мусульманскому мировоззрению. В нём достаток рассматривается как дар свыше, который должно использовать для помощи людям. Благодаря этому предприниматели-татары органично вписывались в капитализм и играли заметную роль в промышленной жизни России. В XVIII — первой половине XIX в. они основали в Волго-Уралье и других регионах империи около 100 разнообразных капиталистических мануфактур. В эти годы определились традиционные для татарских предпринимателей отрасли и территории деятельности.

Цепочка либерально-буржуазных реформ, начавшихся в 60-х гг. XIX в. ускорила развитие капиталистических отношений. По всей стране активнее стали открываться предприятия, в первую очередь фабрично-заводского типа. Это коснулось и деятельности татарских промышленников. Накопив солидные капиталы, они расширяли сферу своих экономических интересов, охватывая всё новые области коммерции и территории.

*Большой герб
Российской
империи.
1882 г.*

К 1890 г. татарской буржуазии принадлежало предприятий с годовым доходом не менее 2 тыс. руб. серебром: в Поволжье — 43, в Приуралье — 47, в Средней Азии — 19, в Казахстане — 18, в Центральных районах России — 8, на Кавказе — 6. К 1914 г. в общей сложности татарская буржуазия владела свыше 140 крупными и средними промышленными предприятиями, имевшими суммарный объём производства в размере более 10 млн руб.

Карта Российской империи. Расселение народов. 1792 г.

КАЗАНСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Исторически национальная татарская промышленность, её разные направления более всего были сосредоточены в Казанской губернии и Казани (Старотатарская и Новотатарская слободы).

В конце 50-х гг. XIX в. в губернском центре всего было 350 купцов 1-й, 2-й и 3-й

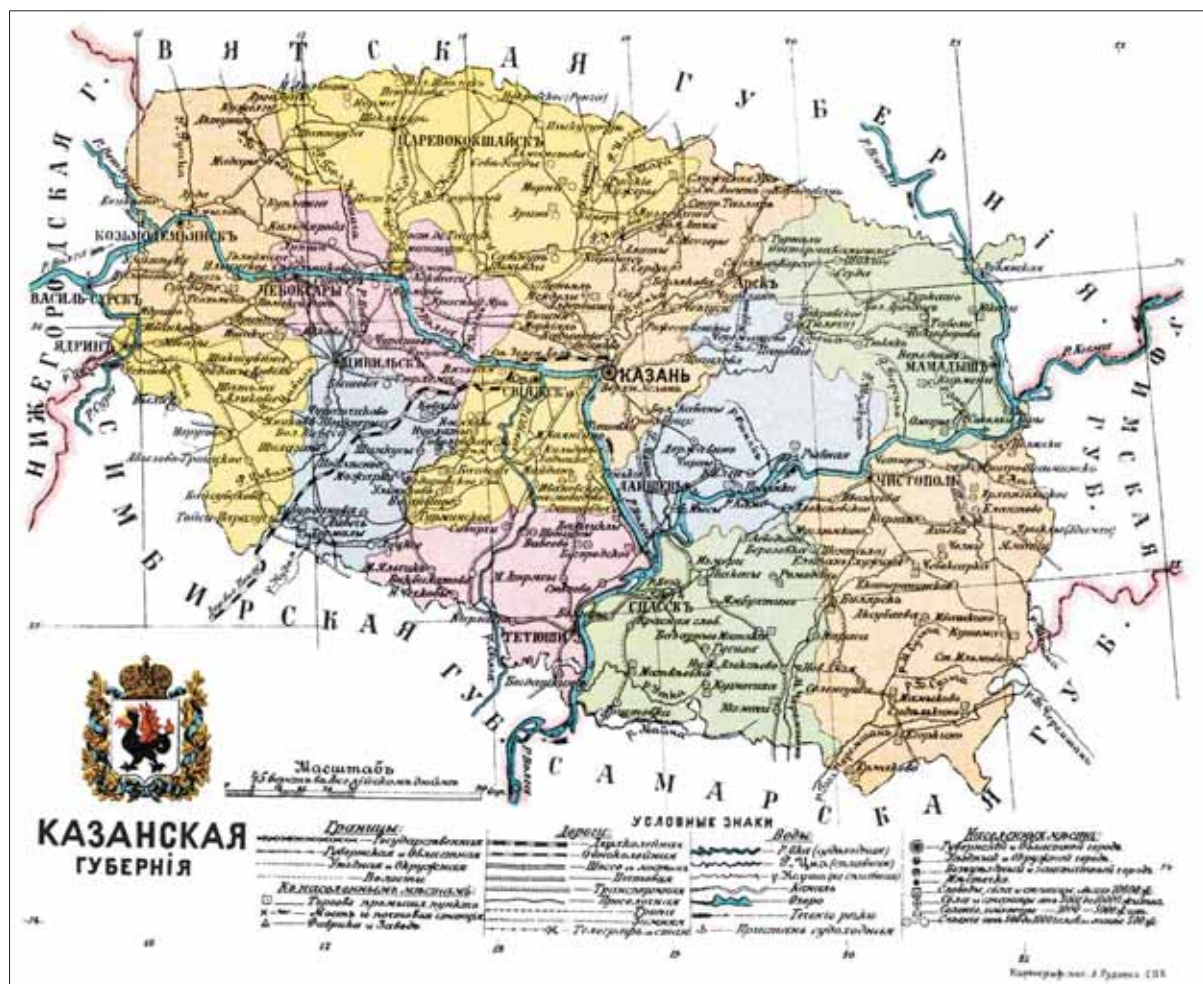
гильдий, среди них татар — 83. Из примерно 130 мануфактур татарской буржуазии принадлежала треть (1/7 часть жителей города составляло татарское население). На 1861 г. из 360 промышленных предприятий, учтённых в Казанской губернии, татары владели 63 (см. таблицу).

Владельцы фабрик и заводов							
Купцы		Крестьяне		Мещане		Дворяне	
Татары	Русские	Татары	Русские	Татары	Русские	Татары	Русские
40	115	9	120	14	33	0	30

Среди отраслей Казанской губернии, где преимущественно действовали татарские промышленники, в первую очередь следует выделить текстильную. Татарские предприниматели практически полностью

преобладали в китайском производстве, т. е. производстве хлопчатобумажной ткани «китайки» — более дешёвого аналога кумача; им принадлежали 12 из 13 имевшихся китайских мануфактур. Эти производства

Карта Казанской губернии. 1913 г.

*Вид на Казанский Кремль
с Подлужной улицы.
Худ. А. Н. Ракович.
1850-е гг.*

*Исхак Юнусов.
2-я треть XIX в.*

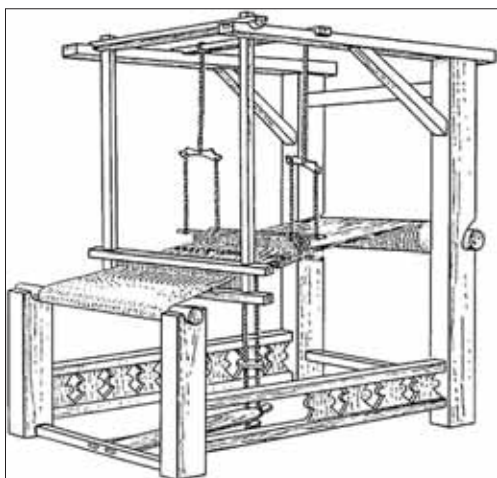
в основном находились в сельской местности: Большой Атне, Нурме, Вересках, Большом и Старом Менгерах Казанского уезда; Борисовых Отарах, Служилой Уре, Ключ-Сапе Царёвококшайского уезда. 4 мануфактуры располагались в Казани. Самыми крупными владели Мустафа Азимов и Измаил Якупов. В общей сложности здесь трудились 680 ткачей и других рабочих, выпускавших тканей на 120 тыс. руб. серебром в год. Почти все рабочие, в том числе и у русских мануфактурщиков, были татарами.

Также татарским промышленникам принадлежали 2 последние сохранившиеся в губернии кумачные мануфактуры. Они находились в Казанском уезде (Кошкары и Карадуван) и выпускали продукции на 80 тыс. руб. при 109 рабочих.

Второй по значимости и размеру отраслью для татарских предпринимателей в Казанской губернии была выделка кож. Из примерно 40 заводов по выделке кож крупного рогатого скота, козловых и бараньих, им принадлежало 5 заводов. В отличие от китаечных и кумачных мануфактур, они в основном были сосредоточены в Казани. По объёму произ-

водства отличались заводы, принадлежавшие Муртазе Азметьеву, братьям Ибрагиму и Исхаку Юнусовым, семьям Апанасовых, Абдуловых, Мухамедовых, Адамышевых. Общая ежегодная производительность всей кожевенной промышленности губернии составляла свыше 1 млн 200 тыс. руб. Можно предположить, что на долю татарских предприятий приходилось более 150 тыс. руб.

Татарские промышленники численно преобладали в мыловарении. Если исключить крупный стеариново-мыловаренный завод братьев Крестовниковых, то татарским принадлежало 6 мыловарен из 10. Все они находились в Казани. На всех заводах (и татарских, и русских) суммарно работало порядка 145 человек, вываривавших порядка 40 тыс. пудов мыла различных сортов на 60–80 тыс. руб. Также татарским купцам принадлежало 2 небольших завода по производству солевых свечей. Для обеспечения мыловаренных и свечных заводов сырьём действовали 3 салотопенных завода, 1 воскобойный. Ведущими мыловаренными и свечными промышленниками были братья Юнусовы, Заманов, Китаев, Шатуков, Арсланов.

*Ручной
ткацкий
станок.
XIX в.*

*Ручная выделка
кожи.
Кон. XIX в.*

Торговые ряды и мечеть на Нижегородской ярмарке. Кон. XIX в.

Кроме этих трёх основных отраслей, татарские промышленники принимали участие и в ряде других производств. Касимовский купец Девлеткильдеев создал в губернии овчинное и мерлушковое (выделка шкурок ягнят) производства, основав в конце XVIII в. первый мерлушковый завод в селе Шемордан Мамадышского уезда. К рассматриваемому времени в Шемордане было уже 5 таких заводов, ещё один находился в том же уезде в деревне Тарловой. Владели ими касимовские купцы, а рабочими нанимались местные татарские крестьяне. Объём производства на данных предприятиях достигал 40 тыс. руб., общее число рабочих — 150 человек. Они обрабатывали до 70 тыс. мерлушек и 15 тыс. овчин. Затем обработанные шкуры раздавались местным же кустарям, которые шили тулупы, шапки и рукавицы.

В уездах и уездных городах находились 13 поташных заводов, владельцами которых также были татарские производители. Это

были небольшие по объёму производства и числу занятых предприятия: в среднем по 1000 руб. в год и 10 рабочих.

Во всей промышленной продукции мануфактур Казанской губернии на долю татарских промышленников приходилось более 15 %.

Деятельность татарских предприятий по закупке сырья и сбыту готовой продукции подразумевала широкие торговые внутренние и международные связи. Необработанная кожа, сало, овчина и мерлушка поступали из Оренбургской и Пермской губерний. В Вятской, Нижегородской, Симбирской губерниях приобреталась кожа, в Тобольской — овчина (у бухарцев и киргиз). На Нижегородской ярмарке для китаечных мануфактур закупались хлопчатобумажная пряжа из Англии и Бухары, краска — синий сандал из голландских колоний; купорос, квасцы, конопляное масло, тюлений жир для дубления кожи; хлопчатая бумага для свечных фитилей. Готовые изделия также везли на крупнейшие всероссийские ярмарки: Нижегородскую, Ирбитскую, Симбирскую, Корсунскую, Бугульминскую, Мензелинскую, продавали в столицах — Санкт-Петербурге и Москве. Особый вид китайки синего цвета — даба, пользовалась большим спросом в Иркутске, где сбывалась бурятам и другим местным кочевникам. Выделанные козловые кожи обменивались на чай в Кяхте — центре торговли с Китаем.

При всём этом в середине XIX в. у татарских мануфактурщиков были те же проблемы, что и у всей промышленности Казанской губернии. Когда с 30-х гг. XIX в. в различных районах России уже шёл промышленный переворот, почти все местные промышленные заведения продолжали держаться за старинные и рутинные методы. По словам современников, они вели производство «по образцам, существующим здесь с глубокой

Ярмарочная мечеть в г. Ирбит. Нач. XX в.

Слобода Кяхта. 2-я пол. XIX в.

*Вид на Казань.
Худ. А. Боголюбов.
1861 г.*

старинны» — как и 50—100 лет назад. Промышленники края действовали «инстинктивно, по одному навыку», не обнаруживая ни малейшего желания к улучшению своих произведений и как бы не замечая, что другие «перебивают им дорогу». Причинами этого современники считали «недостаток образования» и преимущественную ориентацию местной промышленности на азиатский рынок, где требования к продукции «столько веков уже одинаковые».

В то же время открытие мыловаренных заводов в верхневолжских губерниях, варивших мыло по новейшим технологиям, более качественное и дешёвое, чем у казанских заводов, привело к началу упадка этой местной отрасли. Широкое распространение дешёвых ситцевых изделий, выпускавшихся на паровых фабриках Московской, Ивановской, Владимирской губерний, вызвало уменьшение числа и производительности китаечных и кумачных мануфактур. Развитие

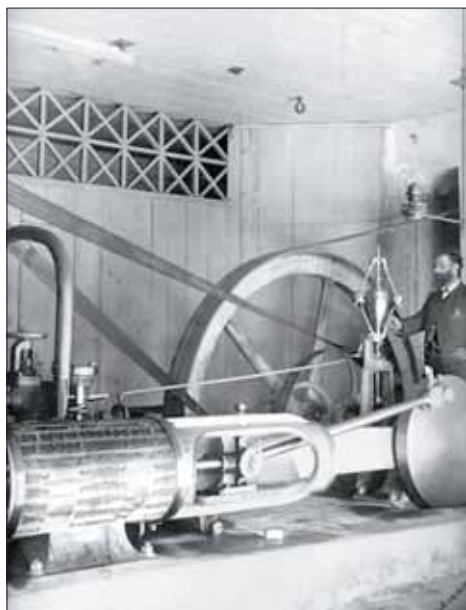
получала промышленность непосредственно в тех восточных губерниях, откуда ранее сырые материалы завозились в Казанскую губернию. Кстати, именно заводчиков-татар упрекали в том, что они распространили производство красной юфти в Оренбургской и Пермской губерниях (Кунгурские заводы), ближе к местам закупок сырья. В результате там кожевенное производство начало расти, а в Казанской губернии сокращаться, которая стала терять лидирующие позиции и в этом производстве.

В конце концов, чтобы не проиграть в конкуренции, промышленникам Казанской губернии также пришлось осваивать современные технику и технологии.

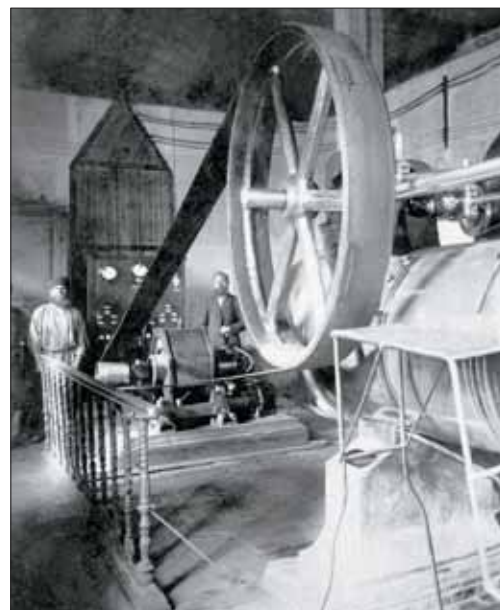
Татарские промышленники Казанской губернии ещё дольше предпочитали вести дела проверенными, консервативными способами. Это было связано и с большей исторической «восточной» ориентацией татарской торгово-промышленной деятельности, в то время как все технические новшества приходили из стран Западной Европы и Северной Америки, и с тем, что в татарской общине отсутствовала система светского, в первую очередь естественно-технического образования. Нехватка подготовленных специалистов, недостаточная информированность о новейших технических достижениях мешали татарским предпринимателям своевременно использовать их на практике.

Казанская пристань «Устье». 1-я пол. XIX в.

*Паровые машины.
Кон. XIX — нач. XX в.*

Кроме того, у большинства казанских татарских производителей промышленность не была единственным или даже приоритетным видом деятельности. Наряду с торговлей и промышленностью, они одновременно занимались операциями с недвижимостью, финансами, сферой услуг и общественным питанием. Это давало большую экономическую устойчивость, но и приводило к распылению капиталов и умственных сил.

В итоге татарские промышленники Казанской губернии вступили на путь промышленного переворота несколько позже. Если предприятия с паровыми двигателями и машинным оборудованием в Казанской губернии начали активно создаваться с середины 50-х гг. XIX в., то первые подобные предприятия, принадлежавшие татарским пред-

принимателям, появились только в 80-е гг. XIX в. Расскажем о них подробнее.

В 1881 г. Торговый дом «Субаев и Рахметуллин» приобрёл у купца Кекина хлопкопрядильную фабрику, находившуюся в Чистополе. Она была одним из крупнейших в губернии предприятий, имела паровую 40-сильную машину, приводившую в действие прядильные механические станки на 6255 веретён. На фабрике более 300 рабочих (в том числе 200 мужчин, 50 женщин, 30 мальчиков и 30 девочек) вырабатывали до 15 тыс. пудов пряжи и до 1000 пудов ваты стоимостью 230 тыс. руб. Однако фабрика проработала лишь только до конца 1880-х гг. и закрылась, не выдержав конкуренции с другими аналогичными предприятиями.

*Торговые ряды.
Чистополь.
Кон. XIX — нач. XX в.*

*Татарская улица. Чистополь.
Кон. XIX — нач. XX в.*

В 1884 г. тот же торговый дом Галима Субаева и Ахметзяна Рахметуллина рядом с прядельной фабрикой на берегу Камы соорудил второй в губернии керосиновый завод. Это было технологически сложное нефтехимическое предприятие с 3 паровыми котлами. Ежегодно здесь перегоняли до 1 млн пудов нефти, которую по Волге и Каме получали с кавказских промыслов, и вырабатывали 200 тыс. пудов керосина. Объем производства при 12 рабочих составлял 100–200 тыс. руб.

Следующим по времени возникновения, принадлежавшим предпринимателям из татар предприятием с паровой энергетикой, стал мыловаренный завод купца 1-й гильдии Исхака Арсланова. Он располагался на Мыловаренной улице (ныне район улиц С. Сайдашева и Ф. Фаткулина) в Казани. Дед Исхака Губайдулла открыл небольшой мыловаренный завод ещё в 1826 г., отец Абдулмазит также занимался производством мыла и свечей. Исхак Арсланов стал продолжателем дела после смерти отца в 1871 г., не достигнув ещё и девятнадцати лет. Во второй половине 80-х гг. XIX в. он установил на своём заводе 3 небольшие паровые машины общей мощностью в 9 л. с. (лошадиных сил), а также 2 паровые водокачки. После модернизации завод начал выпускать до 10 тыс. пудов мыла разных сортов (жёлтое ядровое, мраморное, белое, яичное, глицериновое) и 500 пудов сальных свечей. В 1890 г. на нём также освоили выработку глицерина (100 пудов в год). Общая стоимость продукции достигла 35 тыс. руб. в год. На предприятии работало 12 рабочих. Вся продукция сбывалась в Казани. Сало закупалось на местном

Ткацкий цех. Москва. Нач. XX в.

*На строительстве нефтеперегонного завода.
Баку. 1888 г.*

рынке, а каустическая сода и гарпиус приобретались за границей. В 1901 г. после смерти И. Арсланова завод перешёл в собственность купца 1-й гильдии Сулеймана Мухамметзяновича Аитова и «купеческого сына» Хабибиллы Валиулловича Гизетуллина, затем был многократно расширен. К 1910 г. здесь уже работало около 100 человек; варилось до 50 тыс. пудов разноразного мыла, 170 пудов сальных свечей на 200 тыс. руб. Это было одно из самых больших и успешных предприятий мыловаренной отрасли в Казани, второе после завода братьев Крестовниковых.

В 1888 г. арский купец Мухаммадгариф Ибрагимович Утямышев со своими компаньонами Г. Х. Якубовым и М. А. Усмановым учредил хлопчатобумажное предприятие «Казанская мануфактура Утямышева и К°» на Поперечно-Симбирской улице в собственном доме. Это был сложный комплекс, объединявший фабрики по окрашиванию плотной ткани «бязи» и по обработке ваты. В него входил и завод по приготовлению декстрина и леокома — клеящих веществ, употребляв-

*Муртаза Азимов.
2-я пол. XIX в.*

шихся для сгущения красок. Здесь была паровая машина мощностью в 6 л. с., но при этом имелся ещё и конный привод на одну лошадь. 50 работников окрашивали до 30 тыс. кусков бязи в год, для чего приготавлилось до 2000 пудов декстрина и 1000 пудов леокома, а также обрабатывали до 1500 пудов ваты. Позднее стали выделять и более суровую ткань — миткаль. Продукция на сумму от 150 до 200 тыс. руб. пользовалась широким спросом как в Казани, так и на ярмарках в Нижнем Новгороде, Симбирске, Мензелинске, Бугульме и др. Сырьё получали из Москвы (краски и бязь), Симбирска (картофельная мука), Оренбурга (хлопок). К началу XX в. предприятие было оборудовано уже не только паровым, но и нефтяным двигателем внутреннего сгорания, приводившими в действие 24 текстильных

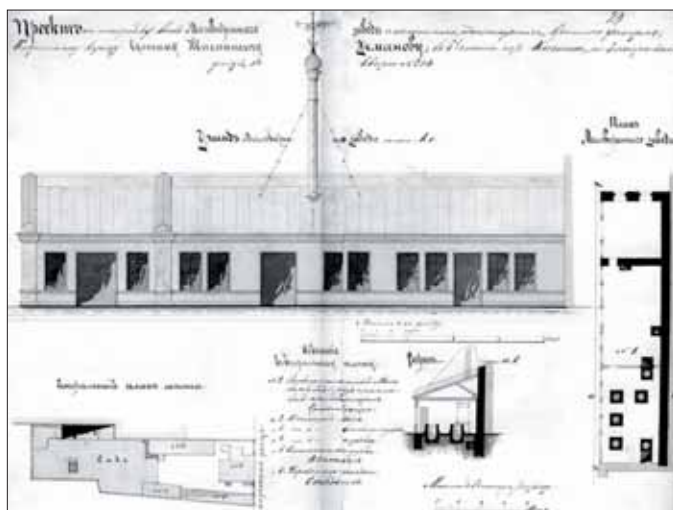
станка. На фабрике работали 60 человек, которыми руководили управляющий, мастер, бухгалтер, 3 приказчика. Такой достаточно большой для того времени штат управленцев тоже говорит о сложности производственного процесса. После смерти М.-Г. И. Утямышева в 1893 г. дело перешло к его сыну Исмагилу. В 1911 г. фабрика произвела 176 тыс. аршин текстиля, её годовой оборот достигал 250–300 тыс. руб.

Это были наиболее технически совершенные предприятия среди принадлежавших татарским промышленникам. Большинство же «заводов» и «фабрик» по существу продолжало оставаться мануфактурами или даже крупными мастерскими. У татар сохранялось и продолжало развиваться мануфактурное хлопчатобумажное производство. В 1867 г. китаенские фабрики Муртазы Азимова и Измаила Якупова продолжали производить ткани в Казани, Махмута Абдряшитова — в Царёвококшайском уезде Казанской губернии. На мануфактуре преуспевающего торговца, купца Мухаммадсадыка Бурнаева в Царёвококшайском уезде в 1870 г. работало до 300 человек и производилось товаров на 50 тыс. руб. в год. Вскоре подобными предприятиями обзавелись и другие татарские предприниматели, также представители торгового капитала — купец 1-й гильдии Мухаммадгали Усманов и купец 2-й гильдии Мустафа Якупов.

Однако к концу XIX — началу XX в. в связи с опережающим развитием хлопчатобумажной отрасли в других регионах в Казанской губернии она сократилась, ряд мануфактур

*Стеариново-
мыловаренный,
глицериновый завод
Крестовниковых.
1879 г.*

*Проект
мыловаренного завода
Султана Жиганина.
Казань. 1898 г.*

*Ахметзян Сайдашев.
Нач. XX в.*

обанкротились. Основным направлением у татарских промышленников осталась выработка бязи. Кроме упоминавшейся фабрики Утямышева продолжали работать ткацкая и красильная мануфактуры наследников Мустафы Азимова, где трудились 45 работников и выпускалось от 400 тыс. до 2,3 млн аршин (1 аршин — 0,7112 м) в год ткани различных сортов (бязь, малескин, сарпинка, китайка). Муртаза Азимов, кроме того, в 1870-х гг. открыл крахмало-паточный завод, в среднем дававший 2,5 тыс. пудов крахмала в год. Однако после его смерти в 1887 г. дела у его семьи пошли плохо и его дети были переведены в 1899 г. из купцов в мещане.

Говоря о текстильном производстве, можно упомянуть относительно небольшие кулеткацкие заведения Багаутдина Курбангалеева и Хасана Латыпова в селе Средние Кермени Мамадышского уезда, на которых в середине 1880-х гг. работало более 50 человек.

Значимое место продолжало занимать мыловарение. В начале XX в, кроме уже упоминавшегося завода Арсланова-Аитова-Газитуллина, действовали мыловаренные заводы М. И. Утямышева — владельца бязекрасильной фабрики (13 рабочих, 42,6 тыс. пудов мыла на 200 тыс. руб.), А. М.-С. Галикеева (12 рабочих, 20 тыс. пудов на 120 тыс. руб.), И. И. Апанаева (11 рабочих, примерно 10 тыс. пудов на 70 тыс. руб.). Всего в Казани функционировало 7 таких заводов, объём производства которых в денежном выражении составил 605 тыс. руб. при 105 рабочих. Таким образом, несмотря на наличие в Казани такого мыловаренного «гиганта», как завод братьев Крестовниковых, ежегодно выпускавшего около 500 тыс. пудов мыла, небольшим заводам удалось сохранить свой

сегмент на рынке. И в этом сегменте преобладали татарские мыловары — на остальных предприятиях в этот же период трудились только 28 человек, вырабатывалось 42 тыс. пудов мыла на 140 тыс. руб.

Также в рассматриваемые годы было живо традиционное кожевенное производство. В частности, на кожевенно-сафьяновом заводе Якуба Козлова 32 работника выделявали высококачественную кожу (примерно на 120 тыс. руб. ежегодно), поставлявшуюся далеко за пределы губернии. Ещё в Казани работал ряд небольших татарских предприятий по переработке шерсти: ватно-шерстобитное А. М. Заманова, шерсточесальные С. Ф. Забирова и Г. Сайфуллина. Их суммарный оборот насчитывал 24 тыс. руб., объём продукции — 15 тыс. пудов шерсти и 200 пудов ваты в год. Вполне успешно продолжали развиваться шеморданские меховые фабрики.

Новой отраслью, на которую обратили внимание татарские промышленники, стало стеклоделие. Стекольно-скипидарный завод в сёлах Воскресенское и Петровское Царёвококшайского уезда существовал ещё с 1795 г. и принадлежал дворянам из рода Желтухиных. В декабре 1889 г. было учреждено товарищество «Наследники Желтухина и А. Сайдашев», и в число собственников завода вошёл Ахметзян Яхьич Сайдашев (это было единственное в губернии предприятие, которым совместно владели и русские, и татары). С приходом в дело А. Сайдашева завод был расширен. На нём ежегодно вырабатывалось до 10 тыс. разных бутылок для винно-водочных изделий, минеральной воды, фармацевтической продукции, а также листовое и ламповое стекло. Продукция сбывалась не только в Казани, но и в Симбирске,

*Изделия стекольных заводов.
Кон. XIX — нач. XX в.*

Самаре, Саратове, Ростове-на-Дону, Уфе и Вятке, позже стала поставляться в Москву, Сибирь, на Кавказ и даже в Германию. Её качество позволяло предприятию конкурировать с зарубежными производителями. На заводе было 2 водяные толчеи. Состав мастеров и рабочих завода включал до 200 мужчин, до 20 женщин, до 40 малолетних. В связи с ухудшением конъюнктуры рынка и финансовыми трудностями в начале XX в. Сайдашев свернул производство стекла.

Активное развитие в начале XX в. получила хлебопекарная и кондитерская отрасль.

Особо стоит рассказать о фирме «З. Фахрутдинов с сыновьями и Г. Альметьев». Эти предприниматели — выходцы из сёл Заказанья, одними из первых умели создать полный цикл — от производства до реализации пекарной продукции. Предприятие владело собственной мельницей в Верхнем Услоне Свияжского уезда, расположенном на берегу Волги и имевшем удобную пристань, что обеспечивало подвоз зерна. Полученная на ней мука шла на находившиеся в Казани кондитерскую и пряничную фирмы, где из неё выпекалось свыше 5 тыс. пудов готовых изделий. Они в свою очередь продавались в принадлежавшем фирме магазине на Сенной площади. Оборот компании доходил почти до 60 тыс. руб.

Достаточно крупной для того времени являлась кондитерская фабрика торгового дома «В. Ибрагимов с братом», на которой трудились 40 человек, оборот достигал 100 тыс. руб. После закрытия стекольного завода А. Сайдашев вложил средства в развитие пряничного и кондитерского производств в Казани. Всего в начале века в городе работало 7 татарских кондитерских заведений и пекарен.

Новым производством у татар, являвшимся подотраслью химической промышленности, в 1880-е гг. стала фабрикация спичек. В середине 1880-х гг. в Ковалинской воло-

*Паровая мельница
Оконишникова.
С. Печищи
Свияжского уезда.
Нач. XX в.*

*Позолоченная коранница из серебра.
2-я пол. XIX — нач. XX в.*

*Позолоченная бляшка из серебра и сердолика.
2-я пол. XIX — нач. XX в.*

*Амулетница из серебра с бирюзой.
XIX в.*

сти Казанского уезда достаточно крупными заведениями по производству спичек владели крестьяне деревни Мемдель Шах-Вали Иксанов (на ней имелось 22 работника) и Хасан Галеев (25 человек), деревни Юртыш — крестьянин Шакир Хамитов (25 человек). В конце 1890-х — начале 1900-х гг. в губернии действовали небольшие спичечные фабрики: в деревне Кульбаева-Мараса Чистопольского уезда (владелец З. Чкишов), в Чистополе (владелец Х. Хамитова), две в деревне Юртыш Казанского уезда (владельцы — Ш. Хамитов и Ш. Валитова). В 1896 г. на татарских предприятиях работали 36 человек и было выпущено около 15 тыс. ящиков фосфорных и бесфосфорных спичек, которые продавались в Казанской и соседних губерниях. В 1918 г. накануне национализации в губернии располагались

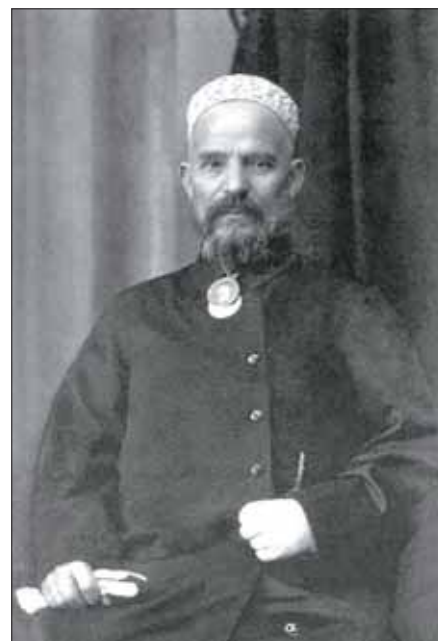
четыре татарских спичечных фабрики; все они находились в Чистополе и прилегающем уезде.

Заметной особенностью татарской национальной коммерческой и промышленной деятельности были отрасли для удовлетворения специфических потребностей татарского и мусульманского населения. К ним относились производства национальных и соответствующих шариату одежды и пищи, предметов культа, религиозных книг и книг на родном языке и так далее. Именно Казань издавна являлась главным центром всей Российской империи по производству и продаже национальной «восточной» одежды, обуви, головных уборов, ювелирных украшений и др. Большое число таких фирм концентрировалось в районе Сенной площади в Казани, их ежегодный оборот достигал до 2,5 млн руб.

*Ручной ичижный промысел.
Нач. XX в.*

*Мухаммадзян
Галеев.
Нач. XX в.*

*Башмаки из кожаной мозаики.
2-я пол. XIX — нач. XX в.*

В частности, фабрика национальной обуви и головных уборов, выпускавшая около 100 моделей, была создана казанским купцом 2-й гильдии Мухаммадзяном Ибнаминовичем Галеевым. В 1893 г. на международной выставке в Чикаго он был удостоен награды за изящные изделия из кожи, в 1898 г. на Всероссийской Нижегородской выставке-ярмарке — серебряной медали. Но в основном это были рассеянные мануфактуры. Крупные заказчики снабжали сырьём и платили сдельно за работу кустарям-ремесленникам. В 1894 г. ичиги шили более 2 тыс. мастериц в окрестностях Казани и пригородных селениях. За прострочку и набивку ватой или куделью тюбетеек женщины получали по 30 коп. за 100 штук. Затем полученный товар предприниматели сбывали в городе, но в основном вывозили в другие регионы и на ярмарки. В начале XX в. 60 % изделий национальных татарских промыслов продавалось в Ураль-

*Ичиги из кожаной
мозаики.
2-я пол. XIX — нач. XX в.*

*Бархатный калфак,
вышитый золотом.
2-я пол. XIX — нач. XX в.*

ске, Ташкенте, Хиве, Бухаре, 12 % — в Сибири, 10 % — в нижеволжских губерниях, 8 % — в Москве, 5 % — в Оренбуржье и Уфимской губернии. Так, учреждённый в 1904 г. торговый дом «М. И. Галеев с сыновьями» по продаже азиатской обуви имел отделения в Уфе, Ирбите, Троицке. Другая подобная крупная фирма — «Наследники Мухаммед-Вафы Сабитова» (с 1912 г. торговый дом «Гайнутдин Сабитов с сыновьями») в Казани осуществляла производство и продажу азиатских головных уборов, вышитых золотом, серебром, мишурой и шёлком мужских тюбетеек и фесок, женских калфаков и шапок. Отделения фирмы имелись при всех крупных волго-уральских ярмарках, а

Площадь Сенного базара. Нач. XX в.

Здание издательско-торгового комплекса братьев Каримовых. Казань. Современный вид

продукция неоднократно получала золотые и серебряные медали на международных выставках в Амстердаме, Лондоне, Париже, а в 1913 г. получила Гран-при в Неаполе.

Ещё одним видом национально- и религиозно-ориентированной промышленности можно считать полиграфическую. Во второй половине XIX в. в России было напечатано 3242 наименования книг на татарском языке суммарным тиражом 26 млн 854 тыс. экземпляров (средний объём каждой книги составлял 6 печатных листов, тираж — 7600 экземпляров). По количеству наименований татарские книги занимали третье место, по тиражу — второе место в стране.

Большая часть — 3162 книги — была напечатана в Казани, в том числе в татарских типографиях братьев Каримовых, братьев И. А. и А. А. Абдуллиных и др. И только 80 книг вышли в других городах: Петербурге, Москве, Оренбурге, Уфе.

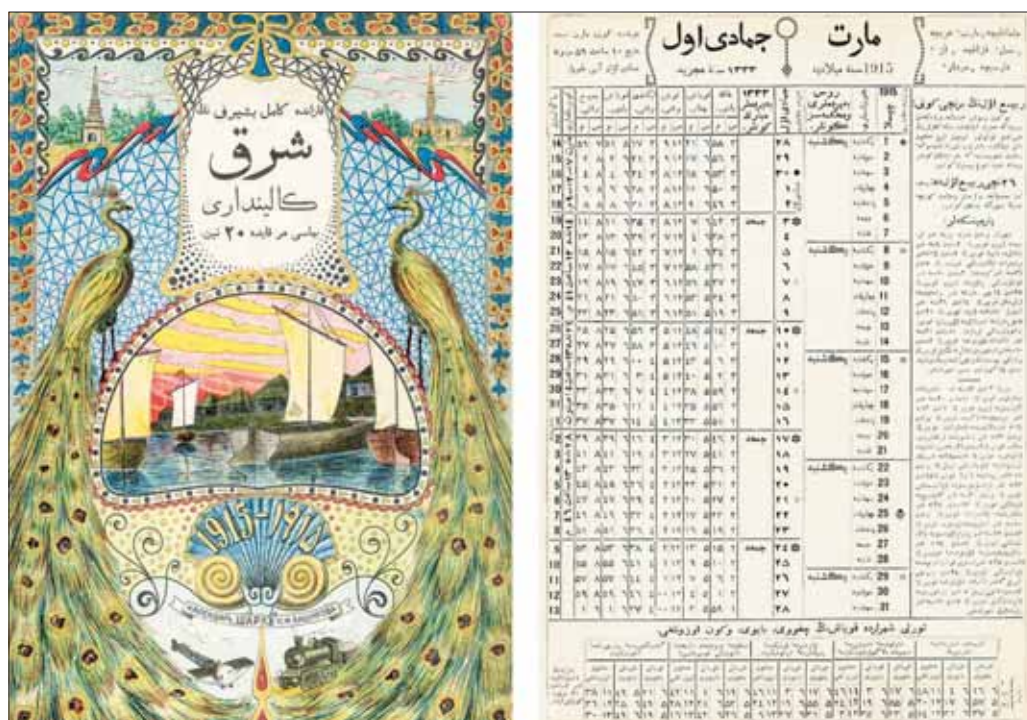
Первой частной татарской типографией в Казани стало предприятие «Матбагаи Каримия». Её основали в 1899—1900 гг. книготорговцы братья Шарифзян, Мухаметзян и Хасан Каримовы. В типографии имелись 3 скоропечатные машины, 2 типографских станка, 96 пудов шрифтов на русском и татарском языках и др. В 1900 г. стала действовать словолитня, в месяц их изготавливалось 15 пудов. Первоначально в типографии работало 11 человек, а к 1915 г. — уже 50. В 1917 данное предприятие имело 3 большие типографские и 2 литографские машины. Ежегодно издавалось до 130 книг общим тиражом порядка 1,5 млн экземпляров. Всего же в 1901—1917 гг. увидело свет 1763 издания, что составило более 20 млн экземпляров. В начале XX в. типография выпускала половину всех печатавшихся в Казани книг на татарском языке (по числу названий — 1/3). Наличие в книгопечатном заведении братьев Каримовых необходимого оборудования, многообразие изданий, крупные тиражи сделали их

Коран, отпечатанный в типографии братьев Каримовых. 1904 г.

Реклама Торгового
дома и типографии
братьев Каримовых.
1909 г.

Календарь «Шарык»
К. Баширова, изданный
в Казани. 1915 г.

продукцию дешёвой и прибыльной. В на-
чале XX в. изданием и распространением
татарских книг также занимались книжные
фирмы «Сабах», «Магариф», «Гасыр» и др.
Татарские типографии сделали существенные
улучшения в полиграфическом оформлении

книг, увеличили число используемых рисун-
ков, кеглей шрифтов и украшений, печати
иллюстраций в несколько красок. В казан-
ских типографиях печатались книги как для
татар, так и для казахов, башкир и осталь-
ных тюркских народов империи.

ПОВОЛЖЬЕ. КАСИМОВСКИЙ УЕЗД

Также крупными регионами татарской промышленности, помимо Казанской, были другие поволжские губернии: Симбирская, Самарская, Саратовская, Пензенская. Здесь наибольшим размахом и темпами развития у татарских промышленников во второй половине XIX в. выделялась суконная промышленность. Первые суконные фабрики татарские предприниматели основали или приобрели ещё в конце первой половины XIX в. Со временем в их руках сосредоточилась почти треть суконных предприятий Поволжья.

Именно суконная промышленность оказалась в авангарде индустриальной революции у татарской буржуазии. Некоторые предприниматели обзавелись паровой машинной техникой ещё в конце 50-х гг. XIX в. Татарские фабриканты планомерно приобретали новое оборудование, реконструировали производственные помещения, заменяя обветшалые деревянные постройки просторными каменными корпусами, со временем оборудовали свои предприятия электрическим освещением и сетью водопроводов.

Основным центром суконной промышленности Поволжья, где располагались самые крупные фабрики, стала Симбирская губерния. В ней по состоянию на 1867 г. татарскими фабрикантами эксплуатировались 6 крупных суконных фабрик с более чем 4 тыс. рабочих, производивших продукции на 960 тыс. руб. в год. В конце века из 17 местных суконных фабрик 7 принадлежали татарским промышленникам.

Самые крупные суконные предприятия принадлежали Акчуриным. Это была целая династия, связанная с суконным делом. Её основал выходец из государственных крестьян Сафа Акчурин. Он ещё во второй половине XVIII в. скупал шерсть и поставлял её на суконные мануфактуры. Продолжил дело его сын Абдулла, а внуки от торговли уже перешли к производству. В 1849 г. в селе Старое Тимошкино Сенгилеевского уезда купец Сулейман Абдуллович Акчурин основал суконную фабрику. Через 6 лет на ней трудились 200 рабочих и 15 мастеров; оборот составлял 60 тыс. руб. К 1861 г. численность персонала многократно увеличилась — до 1423 рабочих, производивших 255 тыс. аршин сукна на сумму в 204 тыс. руб. Как писало одно из официальных изданий, фабрика Сулеймана Акчурина «по материаль-

ным средствам и оборотным капиталам преобладала над всеми фабриками губернии».

После смерти фабриканта дело продолжили его наследники, учредившие торговый дом. В него входили симбирские купцы 1-й гильдии, потомственные почётные граждане Абдрашит Сулейманович Акчурин, Якуб Сулейманович Акчурин и сенгилеевский купец 1-й гильдии, также потомственный почётный гражданин Юсуп Сулейманович Акчурин. Они владели уже двумя фабриками в Старом Тимошкино, оснащёнными новейшей техникой. Фабрики производили многие сорта сукна: армейские, гвардейские, неворсованные, верблюжьи — всего 700 тыс. аршин на сумму в 850 тыс. руб., что составляло 38,3 % от всего сукна, производимого в губернии. Сукно шло как на казённые военные нужды, так и в свободную продажу. Производство размещалось в 12 корпусах. Здесь же получалось необходимое сырьё: на фабрике мыли шерсть из Средней Азии в объёме более 100 тыс. пудов в год. Всего на фабриках работали 1450 человек.

Другой крупный промышленник из династии Акчуриных Курамша Абдуллович, торговец шерстью, купец 1-й гильдии, потомственный почётный гражданин, стал владельцем суконной фабрики в селе Гурьевка Карсунского уезда. После 1862 г. фабрика принадлежала Тимербулату Курамшевичу. Он провёл техническую модернизацию, в результате которой с 1884 по 1890 г. на фабрике

*Тимербулат
Курамшевич
Акчурин.
2-я пол. XIX в.*

*Здание Гурьевской
суконной фабрики.
Современный вид*

количество ваточных аппаратов увеличилось с 19 до 43, веретён — с 3920 до 4900, ткацких станков — с 168 до 312, а мощность паровых двигателей выросла до 160 л. с. В конце XIX в. силами 1200 работников выпускалось до 1 млн аршин армейского сукна. Этот же предприниматель владел также Самайкинской фабрикой в Сызранском уезде, где трудилось 800 рабочих, производивших 500 тыс. аршин сукна. В Гурьевске у Т. Акчурина также имелся небольшой литейный и железоделательный завод. Вести семейный бизнес помогали и продолжили его после смерти Т. К. Акчурина другие представители династии. В 1914 г. оборот одной только Гурьевской фабрики составлял 2 млн 294 тыс. руб.

Современники характеризовали постановку дела на суконных фабриках Акчуриных как «почин и намёк перехода мусульман к интенсивному производству и согласованию своей деятельности с социально-экономическими требованиями нашего времени».

Также в Симбирской губернии в сёлах Бобылёвка и Ляховка суконное производство, работавшее на паровом оборудовании, в середине XIX в. основали братья Ахметзян и Хисаметдин Алеевы. В 80-е гг. XIX в. на этих фабриках трудилось 430 и 280 работников соответственно. На нужды российской армии работала и суконная фабрика Хамида Алеева, находившаяся в селе Мулловка Ставропольского уезда Самарской губернии. Он в 1880-х гг. провёл на своей фабрике кардинальное техническое переоснащение: выстроил каменный корпус вместо прежних деревянных строений, где полностью сосредоточил весь процесс изготовления сукон, приобрёл 300 ве-

ретён, 70 ткацких станков, паровую машину и паровой котёл общей мощностью 37 л. с.

В Саратовской губернии самыми крупными считались суконные фабрики братьев Дебердиевых: Ишмухаммада в селе Верхозимье (600 рабочих), Мустафы и Яхьи в селе Пенделка (Пенделе) Кузнецкого уезда (900 человек), также производившие армейское сукно. В Самарской губернии в конце XIX в. Дебердиевы имели два шерстомоечных предприятия, одно — Ф. Х. Терегулов. Также Акчурины, Дебердиевы, Мангушевы, Агишевы, Терегуловы, Бахтеевы в Поволжье арен-

*Ибрагим
Курамшиевич
Акчурин.
Нач. XX в.*

*Флакон духов
фабрики
Кулахметовых.
Пенза.
1880-е гг.*

*Хасан
Тимербулатович
Акчурин.
Нач. XX в.*

довали суконные фабрики, принадлежавшие русским дворянам и купцам.

На 1897 г. в Поволжье насчитывалось 10 татарских суконных фабрик; их общий оборот по некоторым данным определялся в 10 млн руб. Большинство рабочих и управляющих этих предприятий были из татар, но также работали и русские, и иностранные специалисты.

Суконная промышленность являлась самой мощной отраслью татарской буржуазии в Поволжье. Но ей принадлежали предприятия и других отраслей: кожевенные, мукомольные и др. Например, в конце XIX в. татары Самары и Пензы наладили уникальное производство с национальной спецификой — коммерческое массовое приготовление кумыса. В Самаре насчитывалось более 10 подобных предприятий, владельцами которых являлись Хамидов, Мухамедьяров, Ишуков, Сагидов и др.

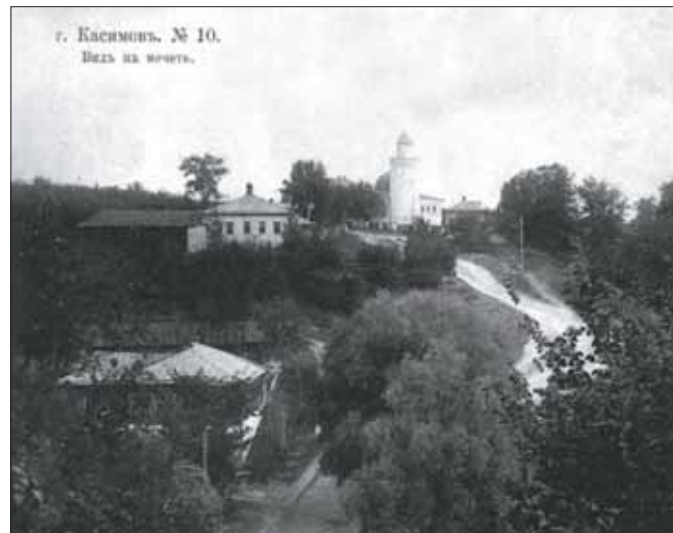
В Пензе также работали мыловаренный завод и необычное для татар предприятие — фабрика «французских» духов братьев Абдуллы и Мухаммеджана Кулахметовых, построенная в 1870-х гг. Руководил ею приглашённый из Франции парфюмер. Благодаря качеству и дешевизне продукции Кулахметовы сумели вытеснить с пензенского рынка других продавцов парфюмерии. Братья начали поставлять свою продукцию в Москву, Санкт-Петербург, на Макарьевскую ярмарку и даже за границу.

Традиционно промышленным предпринимательством продолжали заниматься татары города Касимова и Касимовского уезда Рязанской губернии. На рубеже веков наибольшего расцвета достигло исконное для касимовских татар меховое производство. Так, предприятие Ахмета Хайрулловича Ка-

Производство кумыса. Нач. XX в.

*Вид части Касимова с Ханской
мечетью. Нач. XX в.*

Татарин в шапке из мерлушки. Кон. XIX в.

*Ахмет Кастров и Хадича Кастрова-Ерзина.
Нач. XX в.*

строва в 1913 г. производило 1,5 млн мерлушек для воротников, шапок и шуб в год. На меховой фабрике Х. Б. Мусаева трудилось 60 рабочих, годовой доход предпринимателя составлял почти 50 тыс. руб. В меховое производство вложили средства Х. Х. Танеев, Х. Х. Акбулатов, М. В. Девишев, Вергазовы.

Крупный купец, московский почётный гражданин Салих Ерзин также владел крупными мерлушковыми заведениями в Касимове. Всего в начале XX в. в Касимовском уезде функционировало немало больших меховых заведений, принадлежавших татарам, с большим общим оборотом в 3 млн 640 тыс. руб.

ПРИУРАЛЬЕ, КАЗАХСТАН, СРЕДНЯЯ АЗИЯ

На востоке империи татарская промышленность наиболее сильно была развита в Оренбургской губернии. Она концентрировалась в первую очередь в Оренбурге, Троицке и в Сеитовом посаде (ныне с. Татарская Каргала). Ещё в XVIII — начале XIX в. в руках татарских предпринимателей Оренбуржья оказалась вся российская торговля с Казахскими жузами и ханствами Средней Азии. Логично, что и в промышленном производстве здесь они играли весьма весомую роль. Кроме того, Оренбургский регион и

Средняя Азия являлись главной сырьевой базой для мыловаренных, суконных, хлопчатобумажных, меховых предприятий татарской буржуазии, располагавшихся в Поволжье и центре страны.

Благодаря деятельности оренбургской династии Рамиевых, татары в рассматриваемый период распространили своё влияние на золотодобычу. В 1869 г. Мухаммадсадык Габдулкаримович Рамиев, владевший в селе Юрлык Орского уезда кожевенным и мыловаренным заводами, приобрёл в том же уезде

Мечеть при Караван-сарайе в Оренбурге. Нач. XX в.

Базар в Самарканде. XIX в.

*Братья Мухаммадзакир и
Мухаммадшакир Рамиевы.
Нач. XX в.*

у статского советника Шипова близ деревни Ишбердино первый золотой прииск. Его дети Мухаммадшакир и Мухаммадзакир смогли многократно расширить дело — к 1904 г. им уже принадлежало 79 приисков, на которых трудилось 850 рабочих и ежегодно добывалось до 50 пудов золота. Основная часть приисков находилась в Орском уезде, а самые крупные — близ села Балканы Верхнеуральского уезда. Предприятия Рамиевых отличались высоким уровнем технической оснащённости. Мухаммадшакир Рамиев в 1902 г. посетил страны Западной Европы с целью изучения новейших технологий добычи золота. Закупленную там современную технику он усовершенствовал для условий работы на уральских рудниках. Также здесь работали и изобретённые непосредственно им машины, а сам он имел патенты на изобретения. Технические новшества, внедрённые на

приисках Рамиевых, особенно предложение по усовершенствованию промывочного агрегата, получили признание в отечественных и иностранных журналах. Об авторитете Рамиевых в деловых кругах свидетельствует то, что съезд золотопромышленников России уполномочил Мухаммадзакира Мухаммадсадыковича быть своим представителем при Оренбургской казённой палате.

Кроме того, братья в 1909 г. открыли типографию «Вақыт» — одну из лучших по оснащённости среди российских типографий (ещё в 1898 г. М.-Ш. Рамиев ознакомился с организацией издательского дела в лучших типографиях Западной Европы, Санкт-Петербурга, Москвы). Ими осуществлялось издание книг на татарском языке, а также собственных газет и журнала. Таким образом, им принадлежал целый издательский концерн.

Уральские золотые прииски. Нач. XX в.

Некоторые книги, изданные в типографии Рамиевых «Вакыт». 1910-е гг.

В 1918 г. М.-З. Рамиев, не дожидаясь национализации, передал свои предприятия советской власти.

В число крупных уральских промышленников входили купцы 1-й гильдии Хусаиновы. Ахмет Мухаммадгалиевич открыл в Оренбурге целый ряд предприятий: кишечно-моечное производство в 1885 г. и кишечный завод в 1899 г., крупяной просообдирочный завод с паровым двигателем, на котором ежегодно вырабатывалось более 3 тыс. пудов проса, отправлявшегося в Санкт-Петербург, Москву и другие города. Ему также принадлежали хлопкоочистительный завод в городе Ходжент Самаркандской области, кишечный

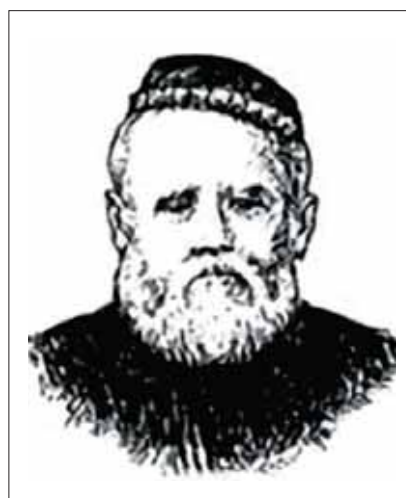
завод в Ташкенте. Его брат Махмут основал в Сеитовом посаде скотобойню и шерстомойку, в 80-х гг. XIX в. овчинно-шубную фабрику. В целом купец владел 11 торгово-промышленными конторами в 8 городах России и 3 конторами за границей: в Берлине, Стамбуле и Кабуле.

Другой представитель этой династии Хусаин Махматович Хусаинов совместно с Мухамметфатыхом Каримовым (Фатихом Карими) открыл в Оренбурге в 1906 г. типографию. Для неё были закуплены новые типографские машины, из казанской типографии братьев Каримовых получен большой набор специальных татарских шрифтов. Благодаря высокому качеству печатной продукции типография вскоре стала лучшей в Оренбурге: печатала не одну лишь татарскую периодику и книги, но и крупные местные ежедневные газеты, журналы. Типография постепенно наращивала выпуск изданий. До октября 1917 г. в общей сложности было выпущено 104 наименования книг (в том числе более 40 религиозных) общим тиражом 175 750 экземпляров. Кроме того в Оренбурге, Уфе, Стерлитамаке, Троицке функционировал и ряд других татарских типографий («Тормыш», «Иршад», «Акча» и др.).

Большое число промышленных предприятий принадлежало троицким купцам и предпринимателям Яшевым. В частности, Гайса Мухаммадйусупович Яушев в 1852–1859 гг. основал в Троицке кожевенный и мыловаренные заводы. Владел мыловаренным заводом и его сын Ахмаджан. У Абдул-Вали Ахмаджановича в начале XX в. было 5 перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию

Братья Ахмет и Махмут Хусаиновы. Нач. XX в.

Наборный и печатный цеха типографии. Санкт-Петербург. Нач. XX в.

предприятий в Троицке, Челябинске, Орске, Ташкенте. Мухаммад-Шариф Ахмаджанович с братьями владел салотопенным и шерстомойным заведением, скотобойней, чаеразвесочной фабрикой и другими предприятиями в Троицке. Ещё им принадлежали два хлопкоочистительных завода в Сырдарьинской области, получавшие сырьё непосредственно с собственных плантаций. Братья Мулла-Ахмад и Мулла-Мухаммад Латифовичи открыли в 1897 г. в Троицке ещё один кожевенный завод. Всего же к 1917 г. из 5 располагавшихся в городе крупных кожевенных заводов с ежегодной выделкой до 96 тыс. шт. кож, три принадлежали татарам: Яушевым (выделка 60 тыс. шт. кож в год), Валеевым (15 тыс.), Идрисовым (5 тыс.). Среди татарских промышленных предприятий города, кроме того, числились 3 шерстомойки и 11 боен с салотопнями.

Действовали татарские промышленники и в Вятской губернии. Здесь стоит выделить купцов и предпринимателей Утямышевых. Родоначальник династии Габдулла Абдулса-

лямович ещё в первой половине XIX в. основал в Малмыжском уезде Вятской губернии ряд текстильных хлопчатобумажных фабрик, которые продолжали действовать и в рассматриваемый период. Кроме них в этом же уезде действовали его валяльно-войлочные предприятия. Казанцам, братьям Ибрагиму Губайдулловичу и Исхаку Губайдулловичу Юнусовым принадлежали бумагопрядильная фабрика в Уржуме, фабрики писчей и оберточной бумаги в Уржумском уезде. Также в Елабужском уезде Вятской губернии были открыты две татарские спичечные фабрики.

В Пермской губернии в начале XX в. купцу Мухаммедгате Мансурову принадлежали две паровые мельницы и солодовенный завод.

Следует отметить татарских промышленников, занимавшихся предпринимательством на территории Казахстана: Бирушева, Муратова, Абдрашитовых, Акчуриных, Тюменевых, Шамсутдиновых, братьев Табеевых, Валита Янгузарова, Каиповых. Они совместно с казахскими партнёрами открывали салотопни, кожевенные заводы, мыловарни,

Торговый караван в Троицке. Нач. XX в.

*Братья Абдул-Вали и Мулла-Гали Яушевы.
Нач. XX в.*

скотобойни и прочие заведения в Актюбинске, Иргизе, Карабутате, Петропавловске. В городе Верном (ныне Алматы) имелась целая Татарская слобода, где предоставлялись льготы для строительства кожевенных, овчинных, кирпичных, свечных, мыловаренных, салотопенных и шерстомойных предприятий. Крупнейшими предпринимателями были Мусины, которые владели мукомольным заводом в Семипалатинске, 50 пароходами. Близ озера Балхаш работали свинцово-серебряный рудник и завод при нём, принадлежавшие Хамидулле и Гульшад Бекметовым и носившие название «Гульшадский».

Вместе с расширением производства происходило значительное изменение управления и организации промышленности. Новые фабрики и заводы с паровыми и нефтяными двигателями, сложным механическим оборудованием, зачастую импортным, капитальными каменными корпусами требовали гораздо больших вложений, чем мануфактуры с ручным трудом. Обычно капиталов одного предпринимателя здесь не хватало. Поэтому во второй половине XIX в. Россию охватил

*Пассаж братьев Яушевых в Троицке.
Нач. XX в.*

*Соборная мечеть на центральной улице Перми.
1915 г.*

«бум учредительства», т. е. создание всевозможных объединений капиталистов в виде товариществ, акционерных обществ и т. д. Активное участие в нём приняли и татарские промышленники.

В 1893 г. предприниматели Т. К. и Я. С. Акчурины создали в Симбирской губернии «Товарищество Старо-Тимошкинской мануфактуры Акчуриных» с основным капиталом в размере 300 тыс. руб. из 300 паёв по 1 тыс. руб. каждый. В 1895 г. было образовано «Торгово-промышленное товарищество Тимербулата Акчурина», объединившее суконные фабрики, а также небольшой лесопильный завод. Уставной капитал фирмы составил 1 млн руб., а впоследствии был увеличен в 2 раза. В 1894 г. казанский предприниматель А. Сайдашев учредил в Казани торгово-промышленное товарищество на паях «А. Сайдашев с сыновьями». Его основной капитал составлял 500 тыс. руб. Однако его хозяйственная деятельность осуществлялась преимущественно на заёмные средства. В период экономического кризиса, разразившегося в конце 90-х гг. XIX в., спустя 4 года после открытия произо-

*Татарская часть Семипалатинска.
Кон. XIX в.*

Казанская биржа. 1905 г.

шёл крах акционерного общества. В 1905 г. в Перми начало действовать торгово-промышленное товарищество купца М. М. Мансурова, специализировавшееся на переработке сельскохозяйственных продуктов. С 1912 г. в Симбирской губернии развернуло активную промышленную деятельность «Товарищество Тепловской суконной мануфактуры А. Агешева» с основным капиталом 400 тыс. руб.

В дополнение к товариществам стали создаваться и акционерные общества. В частности, братьями Дебердиевыми было образовано в 1897 г. акционерное общество в Саратовской губернии. Капитал составил 500 тыс. руб. и был разделён в основном между самими учредителями. В начале XX в. татарские капиталисты продолжали создавать акционерные компании в различных отраслях промышленности.

Помимо создания собственных акционерных обществ, татарские бизнесмены участвовали своими капиталами в деятельности интернациональных по составу объединений. Так, Хасан, Якуб и Абдулла Акчурины были пайщиками, входили в ревизионную комиссию и избирались директорами московского «Торгово-промышленного товарищества Пельцер и К°», а в состав семейного акционерного общества Акчуриных входил француз П. П. Моро. В 1909 г. «Первое Троицкое мукомольное товарищество на вере» организовали М. Ф. Валеев, А. А. Лебедев, С. С. Эпштейн. М. М. Хусаинов имел пай в «Актюбинском мукомольном и пшеничном товариществе» стоимостью 40 тыс. руб.

О тесных связях между татарами, русскими и другими промышленниками говорит то, что они нередко выступали взаимными поручителями при получении банковских кре-

дитов или кредитовали друг друга, договаривались об отсрочках платежей за купленные товары. Ну и, естественно, активно торговали друг с другом, выступали посредниками, представляли интересы на ярмарках и выставках. Так, дружественные деловые отношения сложились между симбирским фабрикантом Михаилом Степановым и казанским предпринимателем Мухаммадбадретдином Апанаевым, каждый из которых представлял интересы другого в своём городе.

Во второй половине XIX в. крупные татарские предприниматели входили в правления многих банковско-кредитных учреждений. Например, членами совета Казанского купеческого банка избирались Мухаммадгариф Утямышев, Сулейман Аитов, Мухаммадсадык Галикеев, Казанского городского общественного банка — Мухаммадзян Галеев, а Ахметзян Рахматуллин был членом правления местного Общества взаимного кредита. Махмут Хусаинов в 1900-х гг. являлся членом 1-го разряда Оренбургской биржи, старшиной Оренбургского биржевого комитета.

Таким образом, татарские промышленники были тесно включены в общероссийское деловое сообщество. В тоже время, наряду с общими тенденциями, имелись национально-религиозные особенности в деятельности татарского промышленного класса. Современные исследователи говорят даже о существовании у мусульман России элементов особой экономической системы. Продукция татарской промышленности часто была рассчитана на запросы и вкусы мусульманского потребителя. Естественно, и мусульманское население стремилось приобретать в первую очередь продукцию, произведённую единоверцами и соплеменниками. Это делало та-

Казанский купеческий банк. Нач. XX в.

тарских промышленников более конкурентоспособным даже при сохранении консервативных способов производства.

Ещё одной заметной особенностью была этническая и конфессиональная солидарность. Современники отмечали стремление мусульман поддерживать в первую очередь братьев по вере. Так складывались прочные производственные связи между мусульманским населением различных регионов государства. Преувеличивать этот момент тоже не стоит, не стоит также крайне идеализировать татарских промышленников, противопоставляя их другим. Предприниматели, естественно, стремились к балансу между национально-религиозными и материально-экономическими интересами. И среди них в деловой жизни имелись случаи обмана партнёров, двуличия, жёсткой эксплуатации работников.

Другой особенностью татарской буржуазии было существование большого числа предпринимательских династий. Одной из причин долголетия династий было сохранение больших патриархальных семей, включавших родителей и их взрослых сыновей с жёнами и детьми. Деловые союзы, как правило, скреплялись узами родства и брака. Татары реже, нежели русские, делили капитал после смерти главы клана. И в том случае, когда наследники делили капитал, и после они стремились действовать сообща. Татарские династии-«долгожители» могли просуществовать 100–150 лет и охватывать 4–6 поколений. В Казани такими семейными кланами были Апанаевы, Замановы-Аитовы,

Утямышевы, Утягановы, Юнусовы, Апаковы, Усмановы, Аитовы, в Симбирске — Акчурины, в Оренбургской губернии — Хусаиновы, Яушевы и т. д. Некоторые основатели этих родов занялись предпринимательством ещё в XVIII в., потомки продолжали дело вплоть до революционных событий XX в. У русских предпринимателей наиболее длительно сохранявшиеся кланы, за отдельными исключениями, насчитывали 3–4 поколения; затем их члены могли изменить род занятий и социальный статус, например, уйти на государственную службу, получить дворянство.

Таким образом, татарские предприниматели во второй половине XIX — начале XX в. продолжали играть существенную роль в традиционных для себя сферах производства. Они строили кожевенные, мыловаренные, шерстомойные, меховые, салотопенные заводы, суконные и бумаготкацкие фабрики, мельницы, предприятия по обработке дерева. В то же время предприниматели из татар сумели продвинуться в ряде новых для себя отраслей промышленного производства: золотодобыче, нефтепереработке, химии, стеколоделии, металлургии, полиграфии.

Особый вес татарская буржуазия имела в экономической жизни Поволжья и Приуралья. Основными центрами сосредоточения татарского промышленного капитала были Казанская и Симбирская губернии. Здесь производилось свыше 67 % валовой продукции, было занято более 75 % рабочих татарских капиталистов. Наиболее крупные татарские промышленные предприятия находились именно в Симбирской губернии, и, по мнению большинства современных исследователей, Казанская губерния постепенно утрачивала своё значение ведущего центра сосредоточения татарского национального промышленного предпринимательства. Промышленный переворот у татарских фабрикантов также начался намного раньше и протекал гораздо интенсивнее в Симбирской губернии. Первые предприятия с паровой энергетикой у татар здесь появились уже в 1850-х гг., а в Казанской — лишь тридцать лет спустя, и численность их была на порядок ниже. Промышленники, проживавшие за пределами Казанской губернии, были более тесно интегрированы в общеимперское экономическое и культурное пространство и, соответственно, более подвержены новым веяниям как в производственно-технической, так и культурной сферах.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Дом казанского купца Бурганутдина Муллина в традиционном стиле. Современный вид

Бурное развитие капитализма и научно-технический прогресс в среде татарских промышленников сопровождались не менее бурными изменениями в их материальной и духовной культуре. Стремительная рационализация хозяйственной деятельности отражалась и в повседневной жизни. На смену освящённым веками традициям приходили более рациональные основания комфортности, престижа, безопасности. Не обходилось и без влияния внешнего окружения — русской и опосредованной через неё европейской культур. Многонациональная промышленность Российской империи подразумевала частые встречи, контакты и общение представителей разных народов и конфессий. Поэтому новый стиль жизни во второй половине XIX в. начал формироваться именно среди промышленной татарской буржуазии. Изменения на рациональных началах в быту охватили жилое

Дом Юнусовых-Апанаевых. Нач. XX в.

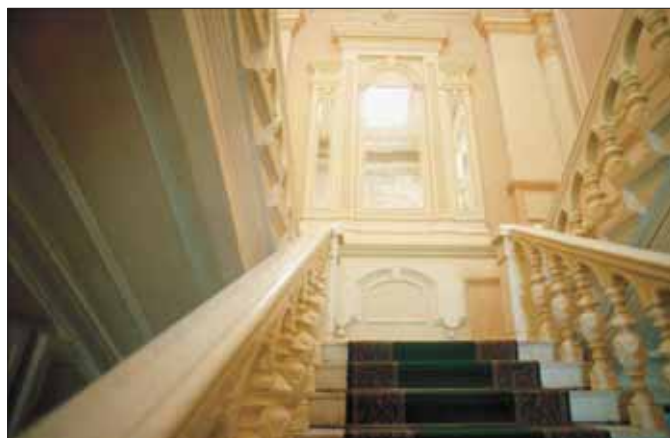
пространство, одежду, транспорт, питание, досуг. Это в свою очередь приводило к складыванию новой системы ценностей и нравов.

Наиболее заметные для наблюдателя изменения образа жизни татарских промышленников во второй половине XIX — начале XX в. происходили, пожалуй, в сфере преобразования жилища. Происходил синтез культур и стилей. В архитектуре усадеб татарских промышленников отразилось стремление вобрать лучшие европейские, русские и азиатские черты. Типичным примером этого является особняк на Юнусовской площади Старотатарской слободы. Одноэтажное кирпичное здание построили в первой половине XIX в. для купца М. И. Юнусова в стиле европейского классицизма. В 1861 г. его внук, Ибр. Г. Юнусов, по проекту архитектора П. И. Романова надстроил второй этаж. В конце 80-х гг. XIX в. особняк при-

Гурьевская усадьба Акчуриных (бывшая Кроткова). Современный вид

Интерьер Дома Шамиля. Современный вид

*Интерьер дома
татарского
купца.
Неизвестный
художник.
1-я пол. XIX в.*

*Интерьер
татарского
дома.
2-я пол. XIX в.*

обрёл М. А. Апанаев. В 1906—1914 гг. дом был реконструирован в стиле модерн.

Дома часто были покупными, а не строились специально для татар. Молодые фабриканты Акчурины приобрели в Гурьевке русскую дворянскую усадьбу и называли её по-русски «дом». С середины XIX в. некоторые разбогатевшие татарские промышленники переезжали в русские части городов.

В области убранства внутреннего интерьера переход к европейским стандартам также был во многом связан именно с коммерческой деятельностью. Первоначально европейский стиль внедрялся в деловых конторах татарских фабрикантов и заводчиков: стулья, письменные столы, различные шкафы, полки, стеллажи, кассовые аппараты, вешалки и др. Затем эти веяния переходили из деловой в частную жизнь. В первую очередь они затрагивали оформление парадных и гостиных комнат, прихожих, где принимали деловых партнёров, официальных лиц и других гостей. Почти во всех домах богатых татар, начиная с 70—80 гг. XIX в., гостиные меблировались столами и стульями, шкафчиками из орехового, красного, дубового и других ценных пород дерева. Появились кресла, диваны, комоды, мягкая мебель, зеркала, канделябры, изразцовые голландские и русские печи. В оформлении интерьера стали исполь-

зоваться напольные, настенные, настольные часы.

В то же время внутренние, спальные покои, закрытые для посторонних, ещё долго сохраняли традиционные черты. Здесь и сидели и спали, как правило, на полу, одежду развешивали на стенах или складывали в сундуки. Даже большие дома по традиции привычно просто делились на мужскую и женскую половины, где занавесками или ширмами огораживалось лишь место у кровати. Отдельный кабинет имелся зачастую лишь у главы семейства. Но в начале XX в. стремление людей к индивидуализму проявляется в появлении отдельных комнат для каждого из членов семьи.

Среди казанских татарских промышленников одними из первых в плане быта приобщились к европейской культуре представители династии Юнусовых. В отличие от других, уже в 80-х гг. XIX в. в доме Исхака Юнусова в спальнях можно было увидеть железные полутора- и двуспальные кровати с матрасами вместо перин. Личные вещи хранились уже не в сундуках, а в комодах, шкафах и этажерках. Такая обстановка была не только в городских домах, но и в деревенской усадьбе Юнусовых. Агафуровы, Акчурины и другие фабриканты в быту также во многом придерживались европейского образа жизни, что проявлялось как в благоустройстве: электрическое освещение, телефоны, ваннные комнаты и т. п., так и в убранстве интерьеров. Например, они украшали свои дома картинами (в том числе иногда и с изображениями животных, людей). Одним из новшеств стал умывальник, приходивший на смену кумганам и тазам. Но распространение этой детали быта происходило с трудом, так как процесс омовения носил ритуальный характер.

К началу XX в. многие дома богатых казанских купцов и промышленников — Казановых, Айтугановых, Утямышевых, Галике-

Дом Кулахметовых в Пензе. Современный вид

Коврики — «намазлык». Нач. XX в.

евых и др. — были электрифицированы обществом «Газ и электричество». А оренбургские промышленники Хусаиновы и Яушевы сами владели дизель-электрогенераторами, которые были приобретены за границей и обслуживались иностранными специалистами. Я. С. Акчурин одним из первых в Симбирской губернии осуществил телефонизацию своих фабрик и особняков, соединив в 1887 г. контору с домами в селе Старое Тимошкино. К 1910-м гг. телефон стал обычным явлением в жизни крупных татарских промышленников как в Симбирской, так и в других губерниях. Таким образом, среди татар именно фабриканты были наиболее восприимчивы к техническим новшествам не только в экономике, но и в быту.

Но при всём этом татарские предприниматели стремились хранить и подчёркивать и национально-религиозные особенности. Неизменными атрибутами домашних интерьеров, как правило, оставались восточные ковры, молитвенные коврики — «намазлык», шамаили, религиозные книги, сувениры, привезённые из хаджа. Фасады домов иногда украшались религиозными надписями, выполненными арабской вязью (дом Юнусовых-Апанаевых в Казани). Вход в татарские особняки был, как правило, со двора, а не с улицы.

После жилища большое значение придавалось транспорту, причём не только как средству передвижения, но и как показателю социального положения. Про Казань, например, писали, что «местных татар-капиталистов, заводчиков, коммерсантов... легко узнать, потому что они любят разъезжать на кровных, раскормленных жеребцах, в дорогих мерлушковых шапках, прикрывающих вышитые золотом тубетейки». У богатых татарских промышленников имелось по несколько породистых лошадей и экипажей разного типа, которые могли стоять целое состояние. Например, в конюшне казанского потомственного гражданина Ю. Усманова было шесть лошадей по цене от 100 до 500 руб. Пролётка с кожаным верхом стоила 200 рублей. За такую сумму в то время можно было приобрести средний дом в несколько комнат. У Исх. Юнусова имелось четыре коня, пролётки, кабриолеты, сани, четырёхместная коляска, «киргизская кибитка». Ещё более дорогие лошади по цене 800 и 400 руб. принадлежали предпринимательнице Апанаевой. Нередко для таких лошадей возводились каменные конюшни с металлической крышей, в то время как большинство домов городских мещан крылись тёсом.

Дорогие лошади приобретали и для скачек. Конные состязания традиционно были частью Сабантуев. Но теперь они стали принимать и формы, традиционные для европейской и русской аристократии. Так, в 1867 г. Абдрахман Ишмуратов входил в число учредителей Казанского общества любителей рысистого бега, братья Яушевы в 1901 г. стали одними из инициаторов организации Общества любителей конного бега и строительства ипподрома в Троицке.

Украшение на фасаде дома Юнусовых-Апанаевых

Конный экипаж. Кон. XIX — нач. XX в.

Богатые татары в традиционных одеждах. 2-я пол. XIX в.

Конечно, кони имели особое культурно-историческое значение для татарского населения. Но в начале XX в. наиболее богатые татарские промышленники начинают приобретать и автомобили. По всей видимости, первыми из них стали симбирские фабриканты Акчурины. Активнее это процесс стал происходить в во второй декаде XX в.: в Казани автомобиль первым из татарских жителей приобрёл владелец крупной типографии М. Каримов, в Троицке первым обладателем автомобиля стал М. Яушев, в Оренбурге одними из первых — братья Хусаиновы, в Петропавловске Акмолинской области — симбирский предприниматель Х. Янгуров. Так что именно промышленники стали первыми татарскими автомобилистами. Среди молодёжи из предпринимательской среды распространялось и увлечение катанием на мотоциклах и велосипедах: А. Апанаев, М. Монасыпов, Даутов, Аитов ездили на мотоциклах с двигателями мощностью в 1,5–2,5 л. с.; братья Азимовы и И. Айтуганов вступили в

состав членов казанского Общества велосипедистов-любителей, организованного в 1893 г., Агафуровы — екатеринбургского, а предпринимателя Ф. Тимкина в 1915 г. избрали председателем аналогичного общества в Перми.

Также изменения ярко проявлялись в мужской и женской одежде. По свидетельствам современников, татары всегда придавали особенно большое значение верхней одежде как определённому социальному и национально-религиозному коду. Богато украшенные и расшитые халат-камзол и головной убор, шуба свидетельствовали о высоком уровне достатка и статусе человека в обществе. Традиционно национальный костюм женщин из предпринимательских кругов был очень пышным и дорогим, мог стоить несколько тысяч рублей. Но при этом именно среди богатых татар начался переход на более практичное европейское платье. Если поначалу купеческий мундир надевали только в официальных случаях, в повседневной жизни продолжая носить традиционный халат, то постепенно европейский костюм стал обычным делом. Всё больше становилось людей, носивших брюки по-европейски — на выпуск. Как видно на фотографиях того времени, мужчины активно перенимали западную моду: пиджак с отложным воротником, жилетка, белая сорочка, галстук, узкие брюки. Многие из них стали брить бороды и усы. Именно у предпринимателей появляются карманные часы, что было связано с деловой жизнью.

В рассматриваемый период остро встал вопрос о выборе между ношением одежды европейского типа и сохранением мусуль-

Богатые татары в традиционных одеждах. 2-я пол. XIX в.

*Мухаммадбадретдин Апанаев
с супругой и дочерью.
Кон. XIX – нач. XX в.*

*Семья татарского
предпринимателя.
Нач. XX в.*

манских традиций. Об этом говорит то, что мусульманские купцы постоянно задавали священнослужителям вопросы о том, можно ли молиться в мечети человеку не в халате, носить приуженные и длинные брюки. Ряд петербургских мусульман в 1887 г. даже специально встретились с посетившим Россию авторитетным египетским религиозным деятелем реформаторского толка Джамалутдином аль-Афгани (который в то время проживал во Франции), чтобы выяснить, «...можно ли без греха не носить в столице длинный халат или казакин и заменить его чем-либо другим».

Позднее и женщины стали носить одежду европейского покроя. По словам современников, зажиточные татарки Казани и Сим-

бирска показывали явную склонность к европейскому стилю. На смену пышным народным нарядам приходил минималистичный и практичный стиль, более лёгкие, а значит, и удобные платья. К началу XX в. яркий и пышный национальный женский городской костюм сменяется нарядами более скромного покроя, однотонных расцветок. Появились платья с укороченными рукавами, открытыми запястьями и предплечьями, европейские причёски с открытыми завитыми волосами без тяжёлых наконечников. Новые веяния коснулись макияжа. Если раньше идеалом красоты у богатых татарок считалось лицо со слоем белил и румян, подведённые сурьмой глаза и брови, и даже чёрные особой оре-

*Семья Юнусовых.
Нач. XX в.*

*Тюбетейка
и калфак из
бархата,
шитые
золотом и
позументом.
2-я пол. XIX в.*

*Семья Якуба
Кулахметова.
Нач. XX в.*

ховой пастой зубы, то теперь в моду входила естественность и простота.

Самые обеспеченные семьи в 10-х гг. XX в. стали одеваться полностью в стиле модерн. Одежда теперь служила не только признаком социальной принадлежности человека, но и говорила о его мировоззрении, образовании, являлась символом приверженности человека к современным, передовым взглядам, светскости её обладателя. При этом практически всегда она дополнялась национальными головными уборами: тюбетейкой (реже феской) у мужчин и калфаком у женщин. В конце XIX в. богатые казанские предприниматели если даже носили купеческий мундир (например, в торжественных случаях), то при этом надевали украшенную золотом, серебром или жемчугом тюбетейку. Оренбургский миллионер Махмут Хусаинов нанял телохранителей, так как носил дорогой каляпуш, крашенный жемчужинами и бриллиантами. Переход от традиционных тюбетек к головным уборам другого типа — шляпам, фескам — воспринимался более терпимо, чем их полное отсутствие. Иногда мужчины в обыденной жизни носили шляпы, но в мечети надевали тюбетейки. У женщин же калфак из головного убора постепенно превратился, по существу, в украшение, имеющее национально-декоративное значение.

Перемены во внешнем облике происходили не сразу. В большей степени современную одежду предпочитала «золотая молодёжь» — молодое поколение промышленников, тог-

да как родители были более традиционны в одежде. Так, по воспоминаниям современников, во время посещения Берлина семьёй казанского предпринимателя Г. Юнусова их появление всегда вызывало повышенный интерес у жителей города благодаря шитым золотом национальным костюмам ручной работы.

Особое внимание к материальным благам, складывание культуры потребления являются признаками формирования буржуазного стиля жизни. Всё больший интерес стал проявляться по отношению к разнообразным формам культуры отдыха и досуга. Акчурины, в частности, увлекались охотой, имели егерей, собак. Как вспоминали современники, именно в их доме Габдулла Тукай научился игре в бильярд.

Раньше других перенимали европейские манеры и привычки богатые касимовские та-

Семья богатых касимовских татар. Нач. XX в.

Оркестр струнных инструментов «Восточного клуба» («Шарык»). 1910 г.

тары, имевшие дела в столичных городах. Именно они в числе первых в конце XIX в. начали приобретать рояли. Во второй половине XIX в. в доме Акчуриных в симбирском селе Коромысловка появился клавесин. В доме казанских промышленников Апанаевых также можно было увидеть рояль. Ещё в начале XX в. довольно редкое наличие этого музыкального инструмента говорило о передовых взглядах владельца дома. Игру на скрипке освоил сын фабриканта М. Ю. Дебердиева Абдулла. Представитель крупной казанской предпринимательской династии Вали Апанаев обучался в Казанском музыкальном училище и в начале XX в. стал известным скрипачом и организовал инструментальный ансамбль.

Несмотря на осуждение со стороны некоторых представителей мусульманского духовенства, татарские промышленники общались к фотографии, Казанские купцы и предприниматели М. Азимов, И. Айтуганов, С. Усманов приняли активное участие в создании в 1895 г. и дальнейшей деятельности Казанского фотографического общества, целью которого были содействие распространению художественных и технических знаний, относившихся к фотографии, помощь фотографам в осуществлении съёмок

исторических памятников, выдающихся архитектурных сооружений, живописных мест. Обществом проводились фотографические выставки с присуждением наград за лучшие произведения, научные беседы, проводились технические опыты, публичные чтения, концерты, вечера, любительские спектакли.

Татарская буржуазия стремилась участвовать и в других общественных организациях досугового типа. Ещё в 1847 г. было подано прошение о выдаче разрешения на учреждение в Казани Собрания купечества и иностранцев, для «приличного препровождения свободного времени», в том числе «позволятельными играми в карты, бильярд, шахматы». В число подписавших его входили татарские промышленники и предприниматели И. Апаков, А. М.-Р. Юнусов, Ибр. и Исх. Юнусовы, Я. Ишимов. В декабре 1908 г. по инициативе видных татарских деятелей Казани, среди которых были А. М.-Ю. (главный инициатор), Ш. З. и И. М. Апанаевы, А. И. Юнусов и другие, было организовано Общество мусульман Казани (другие его названия — «Восточный клуб», клуб «Восток», «Шарык»), целью которого было «представление членам и их семьям возможности проводить свободное от занятий время с удобством, приятностью и пользой», где

устраивались гулянья, настольные игры, музыкальные и литературные вечера, драматические представления, лекции, выписывались книги, газеты, журналы. Клуб быстро стал культурно-развлекательным центром татарской буржуазии и интеллигенции города.

Распространению всевозможных новшеств в повседневной жизни способствовали международные связи. Если раньше путешествия главным образом были обусловлены религиозными надобностями: осуществлением хаджа, посещениями святых мест, то теперь татарские промышленники стали совершать деловые, экскурсионные поездки в Европу, отправляли на учёбу своих детей. Уральские предприниматели Камалетдин и Зайнетдин Агафуровы в начале XX в. бывали в Польше, Германии. Мансуровы, Казаковы посещали Германию, Хусаинов — Англию. Ахмет Хусаинов совершил поездку в европейские страны в 1898 г. Хасан Акчурин с коммерческими целями посетил Германию, Австро-Венгрию и Францию. Ибрагим Акчурин часто бывал за границей, особенно в Германии, где обучался его сын. В 1898 г. путешествие по Германии, Бельгии, Франции, Австро-Венгрии, балканским странам совершили оренбуржцы М.-Ш. Рамиев и Ф. Карими. Все они знакомились не только с местными достопримечательностями, но и европейскими обычаями и традициями.

В описываемое время татарские предприниматели стали нанимать гувернанток, воспитательниц, домашних учителей. Так, обу-

*Мухаметфатых
Каримов
(Фатих Карими).
Нач. XX в.*

чением и воспитанием наследников братьев Яушевых занимались гувернантки и учителя из Франции. Также в семьях предпринимателей нередко можно было встретить гувернанток-немок. Промышленники всячески поощряли изучение своими детьми иностранных языков.

Традиционно представители татарского купечества получали религиозное образование в медресе. Однако бурное развитие научно-технического прогресса требовало для занятий промышленностью нового уровня знаний. Поэтому промышленники одними из первых среди татар стали обучать своих детей в светских учебных заведениях. К числу наиболее прогрессивных в этом вопросе относились Акчурины. Ибрагим Курамшевич

*Семья Рамиевых во
время путешествия
по Европе.
1914 г.*

Искандер Рамиев (слева) — студент Фрайбургской горной академии. Кон. XIX в.

Акчурин во второй половине XIX в. получил образование в Симбирском кадетском корпусе. Его дети в свою очередь все также обучались в различных светских учебных заведениях Симбирска, других городов и за рубежом. Сын Абдуллы Акчурина учился в Новочеркасском политехническом институте. В 1900-х гг. в Оренбургской гимназии учились все сыновья золотодобытчика Мухаммадзакира Рамиева, в Санкт-Петербургской — дочери фабриканта М.-Ю. Дебердиева. Своих наследников золотопромышленники Рамиевы после гимназии отправили учиться горному делу в Германию. Сын М. Хусаинова после окончания медресе продолжил образование в Турции и Великобритании. Популярными среди детей и внуков татарских предпринимателей были Казанское и Симбирское промышленные училища. Представители татарской молодёжи были и среди студентов Московского коммерческого института.

Ярким образцом европеизации был издатель, владелец типографии Мухамметфатых Каримов. Он владел французским, немецким языками, знал латынь, носил европейский костюм и практически отошёл от чтения намаза и посещения мечети; его предприятие работало и по пятницам. Примером веротерпимости и толерантности, достигших высокого уровня, может служить семья Я. Т. и В. С. Акчуриных, где первый посещал мечеть, а вторая (жена-христианка) — церковь.

В быту наблюдался некоторый отход от соблюдения норм шариата, в частности, от запрета на употребление алкоголя. Извест-

но, что в 1888 г. фабриканты Кулахметовы угощали французскими винами актёров гастролировавшего в Пензе московского театра. В 1909 г. шампанское и коньяк подавались во время приёма Г. Тукая в доме симбирских фабрикантов Акчуриных.

Среди отдельных представителей молодого поколения татарских промышленников наряду с употреблением были и случаи злоупотребления спиртными напитками. Наибольшее распространение получили азартные игры, иногда приводившие к проигрышам больших денежных сумм или даже целых состояний (как, в частности, случилось с Агафуровыми). Большой резонанс получил случай, когда в 1910 г. в Уфе сын заводчика И. Абедраров, получив от отца 11 тыс. руб. для расчёта с рабочими, уехал вместе с деньгами и некой девицей в Казань, где поселился в Никольских номерах. Узнав об этом, отец послал своего старшего сына, который при содействии начальника сыскного отделения задержал брата и отобрал деньги; утраченная сумма оказалась незначительной.

Таким образом, в культуре и быту татарские промышленники двигались в русле общеевропейских тенденций. Особой тягой ко всему новому отличались Акчурины. Но всё же несмотря на то что наиболее состоятельная часть татарских промышленников стремилась следовать моде и общим тенденциям в быту и повседневной жизни, она продолжала сохранять национальную специфику и стремилась придерживаться основных религиозных норм и законов.

СЛУЖЕНИЕ НАРОДУ

В процентном отношении национальная буржуазия была относительно немногочисленной прослойкой в социальной структуре татарской нации. Но в условиях практического отсутствия чиновничества и служилого дворянства и только начавшегося зарождения светской интеллигенции она, наряду с духовенством, играла огромную роль как одна из основных организующих и руководящих сил национального развития.

Основными направлениями, как правило, тесным образом переплетавшимися, общественной деятельности татарских промышленников были:

- благотворительность, в том числе духовно-религиозная, культурно-просветительская, социальная;

- участие в муниципальном и государственном управлении.

Как известно, милосердие и бескорыстная помощь людям в исламском вероучении имеет сакральное значение и является предписанным нормами шариата долгом для всех состоятельных мусульман; благотворительные пожертвования считаются одними из самых богоугодных дел. Предусмотрен специальный обязательный налог в пользу нуждающихся — закят (ежегодно не менее от 1/40 до 1/10 части доходов), нередко называющийся «садака». Он «очищает» от греха те богатства, с которых уплачивается. Также

Азимовская мечеть. Нач. XX в.

существует понятие «вакфа». Это движимое и недвижимое неотчуждаемое имущество, переданное или завещанное на религиозные цели и благотворительность в распоряжение религиозной общины — махалли. Поэтому изначально именно религиозный компонент играл большую роль в развитии благотворительности среди татарских предпринимателей.

Первой по времени возникновения формой общественного служения промышленников являлись, пожалуй, сооружение, реконструкция и содержание мечетей. В Казани к числу таких мечетей относились Азимовская

*Апанаевская мечеть.
Литография Э. Турнерелли. 1837 г.*

*Бурнаевская мечеть.
Современный вид*

*Галеевская мечеть.
Нач. XX в.*

(построена в 1887–1890 гг.), Апанаевская (XVIII–XIX вв.), Бурнаевская (1892 г.), Галеевская (XVIII–XIX вв.), Усмановская (1867 г.), Юнусовская (XVIII–XIX вв.). Также Г. А. Утямышев пожертвовал средства на строительство мечети «Иске-Таш» в 1802 г., Литовы — мечети в Адмиралтейской слободе в 1898 г. В целом же в период между концом XVIII — началом XX в. из 17 каменных мечетей, возведённых в Казани, практически все были построены и содержались благодаря семьям крупных предпринимателей. Только одна из них, мечеть Марджани, была сооружена на средства, собранные прихожанами. Но и она с 1861 по 1887 г. реконструирова-

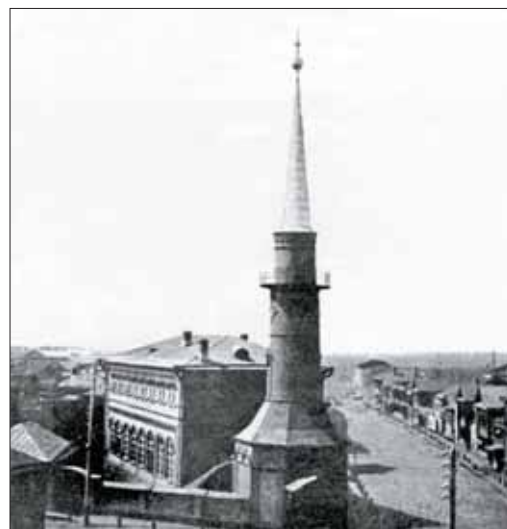
лась и расширялась при финансовой помощи Ибр. Юнусова, З. Усманова, В. Гиззетулина, М. Валишина. Также промышленники Казанской губернии строили мечети в селениях, причём не только являвшихся их малой родиной.

В других местах компактного проживания татарского населения так же, как правило, именно промышленники и предприниматели становились основными храмоздателями. Сукнопромышленник Курамша Акчурин в 1853 г. построил каменный молитвенный дом для мусульман Симбирска, а его сын Тимербулат Курамшевич в 1865 г. перестроил этот молитвенный дом в мечеть, которая в то вре-

*Юнусовская
(Сенная)
мечеть.
Современный вид*

*Усмановская мечеть.
Нач. XX в.*

*Мечеть Марджани.
Современный вид*

*Мечеть конца XIX в. в с. Старое Тимошкино.
Современный вид*

мечеть была единственной в городе. Также он в 1888—1891 гг. по просьбе мусульман выкупил землю и построил Соборную мечеть в Самаре. Московский предприниматель Салих Ерзин возвёл мечеть на своей малой родине — селе Азеево Елатомского уезда Тамбовской губернии. В 80-е гг. XIX в. он пожертвовал значительную денежную сумму на реставрацию мечети в Москве, на строительство её нового минарета и каменной ограды вокруг мусуль-

манского кладбища. Наибольшую известность ему принесло участие в финансировании сооружения новой Московской соборной мечети в 1904 г., на которое он выделил огромную сумму — 40 тыс. руб. золотом. Позднее в память об этом благодеянии ему на мечети была установлена мемориальная доска.

Суконщики Дебердиевы строили и содержали мечети в Кузнецком уезде Саратовской губернии, в Санкт-Петербурге, Нижнем Нов-

*Соборная мечеть
в Перми.
Нач. XX в.*

*Мечеть
в Симбирске.
Нач. XX в.*

*Старинная мечеть в с. Татарская Пенделка.
Современный вид*

городе. Кроме того, им принадлежали специальные дома в Мекке и Медине, предназначенные для проживания российских паломников. Золотопромышленники Рамиевы первоначально проживали в деревне Юлык Орского уезда Оренбургской губернии и на собственные средства построили здесь мечеть. М. Хусаиновым на протяжении 1896–1906 гг. в Оренбурге и Оренбургской губернии было построено около 20 мечетей общей стоимостью 3 тыс. руб. Малмыжские текстильные фабриканты Утямышевы пожертвовали средства на строительство нескольких десятков мечетей в сёлах Казанской и Вятской губерний. Естественно, это далеко не все примеры подобной деятельности, которых было во много раз больше. Как отмечают современные исследователи, почти каждый мусульманский купец 1-й и 2-й гильдий за свою жизнь в среднем строил и ремонтировал до нескольких десятков мусульманских храмов.

Но особо примечательным фактом является то, что объектом заботы становились не только мусульманские культовые сооруже-

ния. В 70-х гг. XIX в. на средства Х. С. Акчурина в селе Баштановка, в 3 верстах от его Старотимошкинской фабрики, где трудилась большая часть местных жителей, была построена деревянная православная церковь. А. Хусаинов принимал участие в возведении Казанского собора в г. Оренбурге, взяв на себя закладку фундамента. А. Я. Сайдашев выделил средства на восстановление после пожара церкви в с. Петровском Царёвококшайского уезда Казанской губернии, где располагался его стекольный завод.

С созданием культовых сооружений тесно переплеталась деятельность по открытию и поддержке образовательно-просветительских учреждений. В Российской империи из казны финансировались только государственные учебные заведения и отчасти — православные. Татарская же система образования была лишена государственного финансирования. Поэтому в данных условиях основная нагрузка по содержанию национальных учебных заведений ложилась именно на промышленников и предпринимателей. Ведущую роль при этом играли в первую очередь наиболее крупные представители татарской буржуазии — Хусаиновы, Рамиевы, Акчурины, Дебердиевы, Яушевы, Юнусовы, Апанаевы и другие, которые и несли основные расходы на содержание национальных учебных заведений.

Сложившаяся ко второй половине XIX в. система татарского образования включала два уровня учебных заведений, действовавших при приходских мечетях: начальные религиозные школы — мектебы — для детей

Пятая мечеть в Оренбурге. Нач. XX в.

*Сбор пожертвований на строительство мечети
во время Нижегородской ярмарки. 1913 г.*

*Здание медресе
«Марджания».
Современный вид*

прихожан, и медресе, где готовили будущих священнослужителей. Обычно это деление было условным и зависело от уровня богословской образованности главы прихода. В традиционных мектебах и медресе обучение имело преимущественно религиозный характер, преобладало схоластическое направление, отсутствовали точные и гуманитарные науки. В мектебах дети обучались чтению, письму, арифметике, арабскому языку, молитвам, заучивали некоторые разделы Корана, книг нравственно-догматического содержания. В медресе в основе обучения лежало изучение стандартного набора богословских трудов, средневековых трактатов по логике, мусульманскому праву, математике. Арабский и персидский языки не преподавались как отдельные предметы, а усваивались в процессе чтения книг; отсутствовало разделение на классы, уроки и учебный год, как было в светских учебных заведениях.

В новых же общественно-экономических условиях, связанных со становлением капитализма, научно-техническим прогрессом, промышленной революцией стал необходим определённый уровень светских (экономических, технических) знаний. Возникла потребность в квалифицированных национальных рабочих и специалистах, которые могли бы практически вести дела и производство с применением сложного механического оборудования и технологий. Это было вопросом выживания татарской промышленной буржуазии в жёстких условиях российского рынка, сохранения ею высокого общественного

положения, возможности вкладывать полученную прибыль в развитие своего народа. В условиях быстрого обновления общества также требовались качественно новые идеи и кадры в просвещении, науке и культуре.

Поэтому, преследуя в том числе свои корпоративные цели и интересы, национальная промышленная буржуазия не только всецело поддержала, но и фактически возглавила реформу системы татарского образования в последней четверти XIX в.

Эта реформа была связана с внедрением новометодного образования. Одним из инициаторов данного направления в реформе образования является великий тюрко-татарский просветитель Исмаил Гаспринский, который впервые применил новый метод в основанном им в 1884 г. медресе в Бахчи-

*Занятие в медресе
«Мухаммадия».
Нач. XX в.*

сарая, ставшим образцом для последующих новометодных учебных заведений. Новый метод заключался в ведении звукового способа обучения арабской грамоте, изучении арабского и персидского языков по учебникам и словарям, богословских дисциплин, правоведения, логики в качестве отдельных предметов. Изменялось и содержание самой образовательной программы — вводились светские предметы: естествознание, математика, татарский (тюркский) язык, история России и татарского народа. В новометодных медресе поощрялось изучение русского языка. В самых передовых медресе сложилась правильная классно-урочная система с 8–12-летним сроком обучения. В результате новометодные медресе превратились в общеобразовательные учебные заведения, дававшие возможность их выпускникам сдавать экзамены по курсу русской средней школы

(гимназии, реальные училища) и продолжать затем образование в высших учебных заведениях.

Благодаря деятельности новометодных медресе важную роль в развитии татарского образования и культуры стали играть их воспитанники-мугаллимы, теперь становившиеся не только муллами, но и учителями в мектебах. Именно они стали играть ведущую роль в мектебах, а приходские муллы теперь преподавали только вероучение. В результате в конце XIX — начале XX в. многие мектебы также преобразовываются в соответствии с новометодными принципами. В них также вводятся звуковой метод в обучении грамоте, обучение по классно-урочной системе, начинают изучаться татарский язык, арифметика, даются первоначальные сведения по естествознанию, истории, географии, во многих мектебах также — по русскому языку.

Здание медресе «Усмания». Современный вид

Здание медресе «Касимия». Современный вид

*Медресе «Хусаиния».
Нач. XX в.*

Преподавание на основе нового метода в учебных заведениях значительно сокращало время обучения. В результате сэкономленное время можно было потратить, в частности, на усвоение ремёсел, рабочих профессий. Поэтому именно предприниматели стали целенаправленно и последовательно бороться за внедрение в образование нового метода; их настойчивость сыграла в этом огромную роль. На средства крупнейших татарских фабрикантов Акчуриных, Хусаиновых, Рамиевых и других были открыты и успешно работали самые известные, наиболее престижные и передовые медресе России, ставшие подлинной визитной карточкой всей системы национального татарского об-

разования: «Мухаммадия» и «Касимия» в Казани, «Усмания» и «Галия» в Уфе, «Хусаиния» в Оренбурге, «Расулия» в Троицке, «Иж-Буби» в Вятской губернии и др.

К началу XX в. только в Казани на средства предпринимателей существовало 11 медресе и 13 мектебов. К 1897 г. в пяти учебных заведениях Оренбурга, финансируемых Хусаиновыми, был введён звуковой метод обучения. В Оренбургской губернии приверженцами нового метода также были Яушевы, Габбасов, Дюзеев и др. Так, Яушевы активно участвовали в поддержке училищ в Троицке. Только треть медресе ежегодно получало от них 3 тыс. руб. Из числа промышленников сторонниками и покровителями нового (зву-

*Здание медресе «Галия».
XX в.*

Хамид Хусаинов, Мухаммадзакир Рамиев и другие попечители медресе «Хусаиния». 1909 г.

кового) метода в медресе «Иж-Буби» являлись М. Ахметзянов, Ю. и А. Акчурины, А. Апанаев, Каримов, А. Сайдашев и др. Усилиями Бадамшина, Ибатуллина и других предпринимателей в 90-х гг. XIX в. открылось второе медресе в Перми. Во второй половине 80-х г. XIX в. новометодное медресе, финансируемое М.-Ш. Рамиевым, работало в Верхнеуральске. В Царицыне двухэтажное здание для медресе с кухней построил Б. Амирханов. Казанский заводчик Ибрагим Исхакович Апаков на свои деньги построил медресе в Костроме. Часто медресе открывались и содержались коллективно. В списке меценатов, спонсирующих содержание и функционирование медресе в городе Ирбите, были Агафуровы из Екатеринбурга, Яушевы из Троицка, Апанаевы, Мусины, Каримовы, Галеевы и многие другие из Казани. Ежегодно во время Ирбитской ярмарки они жертвовали в среднем по 100 руб.

Фабриканты учреждали и начальные новометодные учебные заведения, в том числе для детей рабочих и служащих, для малолетних работников принадлежавших им фабрик и заводов. Так, суконщики Алеевы открыли татарскую мусульманскую школу в русском селе Ляховке Карсунского уезда Симбирской губернии, где находилась их фабрика. В ней училось 15 детей рабочих-татар, которым преподавал бывший домашний учитель семьи фабрикантов. В 1893 г. началось внедрение звукового метода в учебных заведениях Акчуриных в Гурьевке, Старом

Тимошкино и Самайкино (были приглашены педагоги-новаторы, приобретена звуковая азбука). В 1897 г. в Симбирской губернии было уже 5 новометодных школ — учебные заведения Акчуриных, оренбургского предпринимателя А. Г. Хусаинова. Полностью на деньги Акчуриных в соответствии с законодательством содержались Гурьевская и Самайкинская фабричные школы и для русских детей. На содержание каждой из них Т. К. Акчурин, а затем и его дети расходовали до 1300 руб. в год. В учебных заведениях Акчуриных дети из бедных семей получали учебники и школьные принадлежности, питание, одежду и обувь. В 1893 г. попечитель Казанского учебного округа, охватывавшего шесть губерний Поволжья и Вятки, выразил Т. К. Акчурину особую благодарность за его заботу об образовании.

В 1892 г. новый метод был введен братьями Дебердиевыми в деревнях Верхозим и Пенделка Саратовской губернии. Поддержка этих учебных заведений со стороны братьев носила постоянный характер — ежегодно ими перечислялось 3 % со своего чистого дохода на их содержание. При содействии предпринимателей Агишевых, Еникеевых, Баишевых новый метод получил распространение в селениях Кузнецкого уезда Саратовской губернии. В той же губернии в 1904 г. был открыт невометодный мектеб для девочек в деревне Новокутлумбеево, деньги на который собирали промышленники из разных губерний.

Оренбуржец Г. М.-Г. Хусаинов за всю свою жизнь участвовал в учреждении, по разным подсчётам, от 100 до 300 мектебов. Братья Агафуровы из Екатеринбурга за 20 лет на рубеже веков пожертвовали более 100 тыс. руб. на поддержку мектеба и медресе в Екатеринбурге, учебных заведений в селе Салтыковка Пермской губернии, в Ирбите.

О значимости поддержки со стороны промышленников говорит, в частности, такой факт, что разорение казанского текстильного мануфактурщика М. М. Усманова, бывшего главным покровителем знаменитого медресе в селе Кшкары Арского уезда, в одночасье лишило медресе достаточной финансовой помощи и в итоге привело к резкому сокращению количества шакирдов и закату этого некогда авторитетного учебного заведения.

Внимание татарских промышленников было обращено и к другим местам проживания татарского и мусульманского населения. В 1893 г. при поддержке Г. М.-Г. Хусаинова новый метод был введён в мектебе Самарканда.

Наряду с поддержкой конфессиональной школы промышленники стали вкладывать средства в развитие светского образования. Мылозаводчик М. А. Апанаев стал членом попечительских советов Александровского ремесленного и Казанского коммерческого училищ. В медресе «Галия» — высшем богословском учебном заведении, стал также преподаваться гимназический курс светских дисциплин. Татарские промышленники помогали гимназиям, учреждая для учащихся именные стипендии. Под покровительством

*Зайнетдин
Агафуров.
Кон. XX в.*

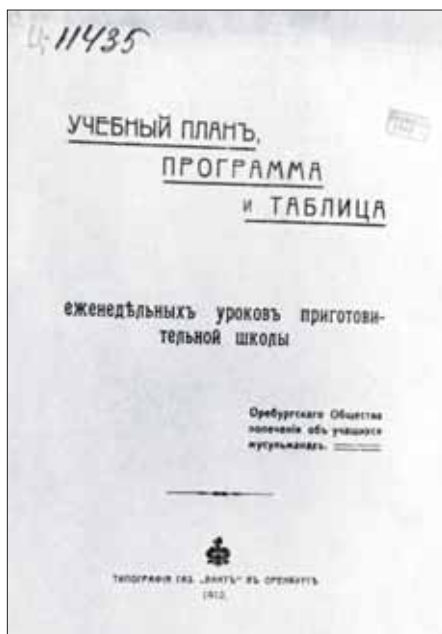

Яушевых в 1913 г. находилось 250 учеников Троицкой учительской семинарии. В годы первой революции Рамиевы и другие промышленники предприняли попытку организовать в Оренбурге курсы по подготовке татарских учителей, где особое внимание должно было уделяться изучению русского языка. Они писали в Министерство народного просвещения о «серьёзных недостатках в системе обучения в мусульманских учебных заведениях, которые приводили к несоответствию системы требованиям современности». В 1911 г. в Оренбурге предприниматели начали работу по открытию татарской учительской семинарии.

Новым веянием в поддержке просвещения, всё более ярко проявлявшимся на рубеже XIX—XX вв., стало участие в этом благородном деле женщин из семей промышленников. Так, дочь Т. Акчурина Махруй содержала два женских мектеба в Гурьевке, участво-

*Татарская школа в Ташкенте.
Нач. XX в.*

Методические материалы мусульманской школы. 1913 г.

*Фатиха Аитова.
Кон. XIX в.*

вала в финансировании мектеба в Старом Тимошкино, являлась попечительницей в других гурьевских школах. Жёны фабрикантов Дебердиевых содержали на свои средства две школы в деревнях Пенделка и Верховим, где обучалось около 120 детей (девочек) рабочих, служащих фабрик и крестьян этих и соседних деревень. Супруги владельцев приисков Рамиевых открыли женскую школу для девочек работников одного из приисков, руководили школой для девочек в Сеитовом посаде, открытой в 1897 г., которая в честь семьи получила название «Рамия». Также в 1901 г. их усилиями здесь открылась 8-лет-

няя школа для татарских девочек, позднее переехавшая в Оренбург. В них, естественно, обучались по новому методу. Русско-мусульманское женское училище высшего типа было открыто в Троицке в 1916 г. по инициативе Э. Х. Яушевой.

Фатиха Аитова, дочь троцкого предпринимателя Абдулвали Яушева и супруга казанского заводчика Сулеймана Аитова, в 1897 г. открыла в казанской Суконной слободе школу для девочек из бедных семей, в 1909 году — начальную женскую светскую школу, где обучались 85 девочек. Вскоре по количеству учениц и объёму преподаваемых

*Семья
Сулеймана и
Фатихи Аитовых.
Кон. XIX в.*

предметов школа переросла рамки начального образовательного учреждения. С 1913 г. Аитова ходатайствовала о её преобразовании в 8-летнюю по типу русских женских гимназий, и лишь после получения разрешения в октябре 1916 г. состоялось торжественное открытие первой в истории женской частной светской татарской гимназии. В ней изучались светские предметы и мусульманское вероучение; отдельные предметы преподавались на русском языке. Гимназия размещалась в специально построенном здании.

Заслуживает большого внимания деятельность по распространению звукового метода представительницы рода фабрикантов Акчуриных — Зухры Асфандияровны — жены И. Гаспринского. Она делала большие пожертвования на содержание медресе и мечети в своём родном селении Старое Тимошкино. Кроме того, она стала первой татарской журналисткой, помогала супругу в издании газеты «Тарджеман» («Переводчик»).

Выделявшиеся промышленниками большие средства предназначались на постройку, обустройство и содержание учебных зданий, покупку учебников и книг, вознаграждение преподавателям (мударрисам, хальфам и муллагалимам), помощь ученикам из бедных семей.

Хотелось бы подчеркнуть, что промышленники не просто давали деньги, но и сами принимали непосредственное деятельное участие в организации учебного процесса, посещали занятия, присутствовали на экзаменах. Они лично занимались подбором преподавателей, уделяли самое тщательное внимание подготовке учительских кадров, в том числе путём отправки наиболее успешных учеников из своих медресе для дальнейшего обучения в Казань, Оренбург и другие центры татарского просвещения. Так, братья Хусаиновы направляли за свой счёт молодых людей к Гаспринскому для изучения звукового метода. Они также, используя своё положение и авторитет, часто «покрывали» учителей-новаторов при расследовании жалоб, поступавших от их противников-консерваторов в административные органы. Представители промышленного класса также тесно сотрудничали друг с другом, обменивались опытом по организации обучения. В 1898 г. Г. Хусаинов пригласил в Оренбург Х. Акчурина и М. Ю. Дебердиева специально для ознакомления с постановкой учебного дела

в его образовательных учреждениях и её оценки. С учебными заведениями татарских промышленников приезжали знакомиться и известные религиозные общественные деятели. У Акчуриных, Хусаиновых и других в Казани, Чистополе, Костроме побывали сторонники прогрессивного метода обучения — Зайнулла Расулев и Риза Фахретдинов. Поэтому не случайно участниками Совещания по вопросам образования у нерусских народов, состоявшегося в октябре 1907 г. в Санкт-Петербурге, были промышленники И. Акчурин (представитель от Симбирска), Х. Галиев и Г. Юнусов (представители от Казани).

Члены семей, сыновья и внуки промышленников сами становились учителями, не видя в этом ничего зазорного или понижающего их социальный статус, например, сын пензенского фабриканта и заводчика Гафур Юнусович Кулахметов. Самым известным из подобных учителей стал, пожалуй, преподаватель казанского медресе «Мухаммадия», представитель двух предпринимательских династий (Акчуриных и Юнусовых) Юсуф Акчура.

Гафур
Кулахметов.
Кон. XIX —
нач. XX в.

А. Г. Хусаинов незадолго до своей смерти в 1906 г. в виде вакуфного имущества завещал почти 0,5 млн руб. специально на развитие татарского национального образования. В завещании предусматривалось создание вакуфов при крупнейших джадидистских медресе; выплата целевых стипендий на продолжение обучения их наиболее талантливых выпускников в средних, средне-технических и высших учебных заведениях России, мусульманских зарубежных образовательных центрах; выделение средств на составление и публикацию научно-популярной и учебно-просветительской литературы. Завещание Хусаинова, по существу, представляло собой

многолетнюю программу по финансированию религиозного и светского образования.

Работа на промышленных предприятиях толкала татар на изучение русского языка. Это было необходимо для взаимодействия с партнёрами, властями, ознакомления с новой технической литературой. Промышленники более других слоёв были заинтересованы в этом и активно поддерживали сторонников изучения татарами европейских языков.

Обозначенная тенденция наиболее ярко прослеживалась в фабрично-заводских и прилегающих к ним населённых пунктах, где проживала большая часть рабочих фабрик Акчуриных, Дебердиевых, Агишевых, Алеевых, Бахтеевых, Баишевых, Сайдашевых. В 1870 г. в Симбирской губернии русский язык преподавали в 10 школах некрещёных татар. В начале XX в. Акчуриными была организована первая русско-татарская школа, а в 1902—1904 гг. в Симбирской губернии работали уже 8 русско-татарских школ. В Казани в 1870—1915 гг. при содействии А. М.-Ю. Апанаева, С. М. Аитова, М. В. Гайнуллина, М. С. Галикеева и других было открыто 14 русско-татарских школ, а также русских классов при медресе.

В то же время в местах, где промышленность и торговля у татар были развиты незначительно, в частности, в Астраханской губернии, тяги к изучению русского языка почти не наблюдалось. Также и в татарских сёлах Симбирской губернии общины отказывались содержать русско-татарские школы.

Газета «Тарджеман».
1901 г.

Газета «Тарджеман»
(русскаяязычная версия).
1901 г.

Наряду с учебными заведениями промышленники использовали и другие формы просветительства. В открытии в 1906 г. в Казани первой татарской публичной библиотеки «Китапхана-и исламия» Х. Максуди помогли А. Апанасьев, А. Сайдашев. Братьями Х., Я. и А. Акчуриными в Гурьевке в 1913 г. для просвещения рабочих и служащих Гурьевской суконной фабрики и для сельской интеллигенции — учителей и мулл, была организована бесплатная библиотека, которая помещалась в рабочем клубе. Фондами библиотеки можно было пользоваться в читальне или брать книги на дом. Книжный фонд библиотеки комплектовался литературой и периодикой на татарском и русском языках, в том числе произведениями Тукая, Пушкина, Лермонтова; журналами «Шура» («Совет»), «Нива», «Современник», газетами «Тарджеман» («Переводчик»), «Симбирские губернские ведомости», «Копейка» и др. Немногим позже аналогичная библиотека-читальня была организована Акчуриными для рабочих и служащих Самайкинской фабрики.

Другой формой просветительской деятельности стало издание газет и журналов на татарском языке. Здесь промышленники выступали уже не только как владельцы типографий, но и как издатели.

Татарская буржуазия приняла самое живое участие в оказании помощи и поддержки изданию И. Гаспринским первой общероссийской мусульманской газеты «Тарджеман» (в 1885—1905 гг. выходила на тюрко-татарском и русском, в 1905—1918 гг. — на тюрко-татарском языке).

Идея издания газеты была поддержана татарскими предпринимателями во время поездок Гаспринского в Нижний Новгород и Казань; в начальный период издания газеты особенно важную роль сыграла поддержка таких предпринимателей, как Н. Сейдуков из Тюмени, братья Яушевы и Бакировы из Троицка, братья Рамиевы из Оренбурга, Акчурины из Симбирска. Промышленники и в дальнейшем оказывали всевозможную материальную и моральную помощь газете и другим изданиям Гаспринского, практически обеспечивая их целиком.

После упрощения в 1905 г. правил издания газет и отмены предварительной цензуры татарские промышленники непосредственно приступили к издательской деятельности. Наибольшую активность в этом проявили, пожалуй, золотопромышленники, братья Рамиевы. В 1906 г. они получили разрешение и на свои средства приступили к выпуску в Оренбурге газеты «Вақыт» («Время»), которая стала и оставалась до 1918 г. одним из самых популярнейших и авторитетнейших изданий на татарском языке. На должность редактора они пригласили известного писателя Фатиха Карими. Как приложение к газете «Вақыт» в 1908 г. на средства Рамиевых начал издаваться журнал «Шура», редактором которого стал Риза Фахретдин. С 1909 г. эта периодика печаталась в собственной типографии Рамиевых, где также осуществлялась широкая программа по изданию книг на татарском языке.

*Мухаммадзакир
Рамиев (3-й справа)
с сотрудниками
газеты «Вакыт» и
журнала «Шура».
1909 г.*

Издателями и редакторами общественно-политической газеты «Баянелъхак» («Глашатай истины», 1906–1914) являлись А. Я. и М. А. Сайдашевы. М. Сайдашев также в 1907 г. приобрёл у И. Алкина и издавал до 1911 г. газету «Казан мухбире» («Казанский вестник»). В этих газетах освещались повседневные вопросы жизни татар, проблемы развития Казани, состояние народного просвещения, отчёты Городской думы. Редактором и издателем газеты «Азат» («Свобода») в 1906 г. стал религиозный и общественный деятель Г. Апанаев из предпринимательской династии Апанаевых. На средства промышленника М.-В. Г. Хусаинова в Оренбурге еженедельно издавался религиозный журнал «Дин ва Магишат» («Религия и жизнь», 1906–1918). В 1912 г. Увидела свет общественно-политическая, литературная и коммерческая газета «Кояш» («Солнце») братьев Каримовых. В финансировании газеты «аль-Ислах» («Реформа») большую роль играли казанские предприниматели Губайдуллины, Аитовы, Ш. Л. Хакимов. Большинство периодических изданий были либерально-прогрессивного толка, но были и консервативно-охранительные, направленные в первую очередь на защиту традиций, в частности, «Дин ва Магишат», «Баянелъхак». Но все они, так или иначе, провозглашали единство мусульманского общества России.

Промышленники по-разному поддерживали и не принадлежавшие им национальные

периодические издания: размещали рекламу, информационные сообщения, выписывали как для себя, так и для своих служащих и рабочих, медресе и библиотек, организовывали услуги подписки. Татарские купцы и промышленники, члены их семей участвовали и в издании газет, выходивших на русском языке. Так, екатеринбургский купец З. Х. Агафуров являлся одним из учредителей газеты «Уральский край» (1907). Сын фабриканта Асфандияра Курамшевича Акчурина Мухамметша Акчурин был ответственным секретарём газеты «Сызранская почта». В 1907 г. он планировал издание в Симбирске еженедельной газеты «Восток».

Промышленники и сами часто публиковали свои статьи и художественные произведения. Так, на страницах газеты «Вакыт», журнала «Шура» выступали И. Акчурин, М.-З. Рамиев, М.-Ю. Дебердиев. Тяга к журналистике, к творчеству проявилась и у людей из ближайшего окружения татарских купцов и фабрикантов, например, известными журналистами являлись Юсуф Акчура, Зухра Акчурина-Гаспринская.

По подсчётам исследователей, с 1905 г. по октябрь 1917 г. в Российской империи на татарском языке выходили (в разное время) до 100 журналов и газет; причём это число возникло практически с нуля. В этом новом и важном для татарского общества России явлении была огромная заслуга татарских предпринимателей. Именно их усилиями

была заложена традиция открытия и издания национальной периодики. Без всякого сомнения, тем самым они сыграли большую роль в повышении культурного уровня нации.

Наряду с пожертвованиями на строительство мечетей, медресе и мектебов, большое место в благотворительности занимало призрение нуждающихся в помощи и малоимущих единоверцев.

Самой старинной сохранявшейся формой благотворительности была раздача милостыни беднякам. Наиболее щедрым благотворителем был С. Ерзин. В праздничные дни к его дому в Москве собиралась огромная очередь, каждому из нуждающихся выдавалось до 3 руб. плюс по 4 аршина ситца. Большими раздачами (в основном продуктов питания) бедным также отличались семипалатинские промышленники Мусины.

Появлялись и более организованные формы благотворительности. Например, ещё в 1844 г. на средства Ибрагима и Исхака Юнусовых в Казани был открыт Мусульманский детский приют — первое татарское благотворительное заведение. Он располагался в кирпичном доме с садом и постройками, подаренном братьями и содержался на доходы со сдаваемых в аренду 14 лавок, также переданных Юнусовыми приюту. На содержание приюта жертвовали и другие состоятельные мусульмане (и не только), но его директорами всегда были представители рода

Юнусовых. К началу XX в. около 100 детей в приюте обеспечивались едой, одеждой, медицинской помощью, получали начальное образование (с обязательным обучением русскому языку), обучались ремёслам. Среди учителей были известные деятели татарского просвещения. На каждого ребёнка тратилось свыше 120 руб. Выпускники приюта, как правило, затем работали у купцов или становились преподавателями в медресе. В 1884 г. один из попечителей Казанского отделения Императорского человеколюбивого общества генерал-майор Черкасов обратился к казанским мусульманам с предложением в честь совершеннолетия наследника престола открыть мусульманскую богадельню. На его призыв также первыми откликнулись братья Юнусовы, пожертвовавшие для богадельни двухэтажный кирпичный дом и 2 кирпичные лавки на Сенном базаре (однако в то время открыть богадельню не удалось). На свои средства содержал в Казани детский временный (ночлежный) приют на 35 человек Ахметзян Яхьич Сайдашев. Благотворительная помощь могла предназначаться не только для татар или мусульман. Хасан Мусинович Апа-наев сделал крупное пожертвование на строительство и содержание в Казани больницы для больных холерой; Мухаммадсадык Курбангалиевич Бурнаев пожертвовал средства на постройку здания училища для слепых детей в Казани.

Первый номер журнала «Шура».
1908 г.

Газета «Баянелъхак».
1907 г.

*Здание, где размещался
Юнусовский приют.
Современный вид*

Наряду с систематической работой, помощь оказывалась и в экстремальных ситуациях. Так, во время сильного голода 1880–1881 гг., в январе 1881 г. Т. Акчурин в Старом Тимошкино открыл бесплатную столовую, которая проработала до нового урожая. Ежедневно в ней дважды в день питались до 320 человек. Такая же бесплатная столовая Акчурина работала и в голодную зиму 1891 г. Эти столовые посещали и татары, и русские. Во время русско-японской войны при гурьевской фабрике Т. Акчурин открыл больницу для лечения раненых воинов; в 1905 г. он оказал значительную помощь жителям Старого Тимошкино после пожара, уничтожившего 240 домов, обеспечив около 1000 погорельцев едой, одеждой, дровами, семенами, деньгами на новое строительство. На средства А. Хусаинова в 1892 г. была организована бесплатная столовая для оренбургских мусульман. А. Сайдашев также заводил бесплатные столовые в годы неурожая,

отдавал под временный приют погорельцев свой дом, собирал средства для открытия первой больницы в татарской части Казани.

Во второй половине XIX в. в благотворительность также стали проникать новые веяния и организационные формы. Особенностью этого периода стало распространение, наряду с частной (индивидуальной), более эффективной коллективной благотворительности. Первый такой опыт, как правило, получали, участвуя в общих организациях. Так, членами Казанского попечительства о детских приютах были С. М. Аитов, А. М. Апанаев (почётный), А. Д. Усманов, А. Г. Хусаинов, А. Я. Сайдашев. Последний также в качестве директора возглавлял Казанский губернский попечительский комитет о тюрьмах. М. М. Хусаинов с 1892 г. и до самой смерти в 1910 г. был активным членом целого ряда обществ в Оренбурге: вспомоществования нуждающимся жителям; вспомоществования нуждающимся ученикам и ученицам городских ремесленного, приходских мужских и женских училищ, губернского попечительского о тюрьмах. Г. Г. Хусаинов являлся казначеем Оренбургского отделения Всероссийского общества по борьбе с туберкулёзом и Общества по оказанию скорой помощи.

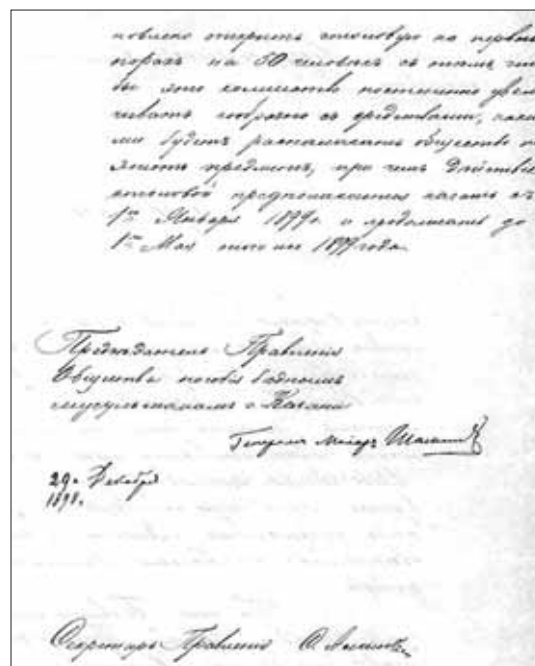
Первое официально зарегистрированное собственно татарское благотворительное общество было создано в 1867 г. и существовало до 80-х г. XIX в. По имени главного учредителя Х. Х. Бекбулатова-Касимовского оно получило название «Бекбулатовское обще-

*Раздача продуктов во время голода
1891–1892 гг.*

Прошение
председателя
Правления Общества
пособия бедным
мусульманам
г. Казани З. Шамя
об открытии
бесплатной столовой
для нуждающихся.
1898 г.

ство взаимной благотворительности касимовских татар в Санкт-Петербурге». Его основной целью являлось оказание материальной помощи нуждающимся членам общества, учреждение в Касимове школы для детей-сирот умерших членов и приюта для престарелых. К 1913 г. в России насчитывалось уже 87, а к 1917 году — порядка 100 татарских и мусульманских благотворительных обществ (в Казани, Санкт-Петербурге, Троицке, Касимове, Симбирске, Петропавловске, Астрахани, Архангельске, Оренбурге, Перми и др.). Основными их участниками, вносившими наибольший финансовый вклад, естественно, были предприниматели-промышленники. Их благотворительность не ограничивалась рамками регионов постоянного проживания. Так, членами и щедрыми жертвователями нового Мусульманского благотворительного общества Санкт-Петербурга, созданного в 1898 г., стали татарские предприниматели из различных губерний: оренбуржцы Рамиевы, Хусаиновы, симбирцы Акчурины, касимовцы Алышевы, Байрашевы, Бекбулатовы, екатеринбуржцы Агафуровы, уфимец С. Шамигулов и мн. др. Для Санкт-Петербурга это было особенно важно, так как местные приходские организации мусульман здесь были относительно немногочисленны и слабы.

Крупнейшим среди подобных объединений по величине капитала являлось Общество пособия бедным мусульманам города Казани. Возможно, одной из предпосылок, толкнувших казанских предпринимателей к объединению филантропических усилий в рамках

этой единой организации, стала статья чиновника по особым поручениям З. Шамя в газете «Казанский Телеграф», в которой он писал о том, что татарские дети из бедных семей вынуждены просить милостыню возле церквей. Деятельность Общества являлась наиболее характерной для благотворительных татарских организаций, поэтому о ней стоит рассказать подробнее. Общество было зарегистрировано в 1898 г. Среди зачинателей его создания, разработчиков Устава и впоследствии членов и председателей правления (3 из 6) были крупные татарские промышленники и предприниматели: М. И. Галеев, отец и сын А. Я. и М. А. Сайдашевы, И. И. Айтуганов, А. М. Казаков, М.-Б. А. Апаханов, С. М. Аитов, И. Г. Утямышев, С. С. Губайдуллин. В распоряжение Общества они выделили процентные бумаги, недвижимость и наличность на общую сумму 39,9 тыс. руб., из которых 24 тыс. предназначались на открытие мусульманской богадельни, 10 % были перечислены в запасной капитал. К 1911 г. основная часть активов Общества — 58,3 тыс. руб., заключалась в недвижимом имуществе, в том числе ему принадлежал доходный дом, приносящий до 1500 руб. ежегодной прибыли. К 1914 г. совокупный капитал вырос до 80,5 тыс. руб.

Промышленники в Обществе тесно сотрудничали с известными общественными и религиозными деятелями: С. Ш. Алкиным, Г. Баруди, Г. А. Ишмуратовым, С. Ш. Иманкуловым, И. В. Тергуловым, М. Ш. и З. М. Шамями, К. Г. Гимадудиновым, А. М. Ази-

мовым, С. Д. Усмановым. Для членов Общества не было национальных, конфессиональных, сословных и иных ограничений, поэтому в него входили губернатор П. А. Полторацкий, городской голова С. В. Дьяченко; известные жертвователи О. С. Александрова-Гейнс и Д. В. Вараксин; врачи С. С. Надель-Пружанская, А. И. Захарьевский и др. Члены Общества могли быть почётными, пожизненными и действительными. К первым относились особо крупные благотворители и наиболее активные деятели организации, ко вторым — лица, внесшие 60 руб. и более, к третьим — те, кто платил годовой взнос в размере 5 руб. В 1911 г. таких членов насчитывалось 15, 48 и 233 соответственно. Кроме членских взносов капитал Общества пополнялся за счёт пожертвований татарских и русских предпринимателей, заката, субсидий Казанской городской думы, средств, вырученных от проведения различных благотворительных зрелищных и увеселительных мероприятий.

Средства Общества шли на содержание медресе, мектебов, мечетей, мусульманского кладбища, оказание материальной помощи шакирдам и оплату дальнейшего обучения наиболее талантливых из них в средних и высших учебных заведениях, на помощь не только казанским, но и иногородним бедным мусульманам. 15 участковых попечительств Общества собирали сведения о материальном положении малоимущих, проживавших в определённом районе, и оказывали им помощь в виде выдачи единовременных и ежемесячных пособий, помощи с трудоустройством и жильём, возвращением в места постоянного проживания, экстренной помощи погорельцам и голодающим. Со временем Обществом были открыты мусульманская богадельня на 10–15 мест (1900), детский на 25 мальчиков (1905) и родильный (1914) приюты, русско-татарские училища для юношей и девушек (1909), амбулатория (1902), родовспомогательное медицинское заведение для мусульманок (1912).

Весьма активной деятельностью также отличалось Касимовское мусульманское благотворительное общество, которое было создано богатой и влиятельной мусульманской буржуазией также в 1898 г. К 1916 г. общество имело в ценных бумагах и недвижимом имуществе весьма солидный капитал в размере 24 704 руб., годовой доход составлял 1793 руб., расходы — 1326 руб. В составе обще-

ства насчитывалось 107 членов. Среди главных направлений деятельности были: выдача денежных пособий неимущим, поддержка учащихся и финансирование мусульманской библиотеки-читальни. Устав общества предусматривал введение широкой просветительской деятельности и публикацию литературы нравственного содержания.

К числу самых активных и финансово обеспеченных также относились мусульманские общества в Симбирске, Оренбурге. Одним из учредителей общества в Симбирске стала династия Акчуриных. Это Общество было создано с целью просвещения мусульман путём распространения образования, всестороннего и точного ознакомления их с их политическими и экономическими правами, а также в целях материальной поддержки единоверцев. Также особенно большой вклад в благотворительность внесли татарские промышленники Аитовы, Акчурины, Апанаевы, Казаковы, Рамиевы, Хакимовы, Хусаиновы, Юнусовы, на чьи пожертвования строились сиротские дома, приюты для престарелых.

*«Новая мечеть» в Касимове.
1906 г.*

*Мухаммадзакир
Рамиев (в центре)
и другие члены
благотворительного
общества Сеитова
посада. 1914 г.*

К сожалению, не все предприниматели понимали важность благотворительности. Так, наследники богатого текстильного фабриканта Утямышева из Вятской губернии, завещавшего значительное имущество в вакуф, де-факто отказывались выполнять волю жертвователя, объясняя свою позицию отсутствием конкретной регламентации по исполнению завещания.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. силами татарской буржуазии была сформирована достаточно стройная и эффективная система финансирования национальных нужд: экономического существования мечетей и мусульманского духовенства, функционирования и реформирования мектебов и медресе, социального обеспечения широких слоёв татарского населения.

Также промышленники проявляли социальную заботу о своих рабочих, что во многом было обусловлено и законодательством. Для рабочих чистопольской хлопкопрядильной фабрики Субаева и Рахметуллина была открыта больница. Это было редкое явление в Казанской губернии. Подобные больницы были только при 4 крупнейших предприятиях: заводах стеариново-мыловаренном Крестовниковых, судостроительно-судоремонтном «Кавказ и Меркурий», льнопрядильно-ткацкой фабрике Алафузовых, паровой мельнице Журавлёва. Фабричный инспектор Казанского фабричного округа ставил стекольные заводы, в том числе Сайдашева, в пример

по условиям жизни рабочих. Их рабочие, как правило, жили семьями в отдельных квартирах, устроенных по 2–3 в небольших домиках, расположенных компактно возле завода. При них же были небольшие клетки для домашних животных и птиц, которых содержала почти каждая семья. У некоторых были коровы, реже лошади, для которых хозяева предприятий предоставляли за свой счёт пастбища.

Во взаимоотношениях буржуазии с рабочими присутствовали элементы патернализма. Но идеализировать эти отношения не стоит. Ради получения прибыли промышленники подвергали рабочих, как правило, вчерашних крестьян, довольно сильной эксплуатации, пользуясь неопределённостью их сословно-правового статуса. По отчётам фабричного инспектора, до введения закона 1882 г., органичивающего время работы малолетних 8 часами, на фабриках Тимербулата Акчурина, Ахметзяна и Хисаметдина Алеевых работало несколько десятков детей (в том числе до 12 лет). При этом их рабочий день начинался в 4 утра и продолжался до 8–9 часов вечера с перерывами на еду общей продолжительностью 2 часа.

Филантропическая деятельность татарских предпринимателей находила живейший отклик и получала высокую оценку от общества и государства, повышала их социальный статус и авторитет. С помощью систематической благотворительности татарские

*Знак ордена
Святой Анны для
награждения лиц
нехристианского
вероисповедания*

Медаль «За усердие»

промышленники поднимались на более высокий уровень общественного положения, интегрировались в общеимперское элитное общество, упрочивали своё влияние на жизнь мусульманских общин. За финансирование крупных социальных программ и неотложных государственных нужд активное участие в попечительских советах различных учреждений и в работе благотворительных организаций татарские предприниматели награждались правительством почётными званиями, льготами, правами (также наряду с экономической деятельностью, связанной с обеспечением военных нужд).

Именно за создание детского приюта и другие социально значимые акции Ибрагим Юнусов был награждён золотой медалью и орденом Святой Анны III степени, а его брат Исхак — золотой медалью и орденами Святой Анны III степени и Святого Станислава III степени и другими государственными наградами. В 1863 г. дом Ибрагима Юнусова во время своего визита в Казань посетил наследник престола Николай Александрович. Также братья Юнусовы были за свою общественную и экономическую деятельность

удостоены звания «коммерции советников» (единственные из татар), что давало право на титул «ваше высокоблагородие».

Абдуллу Яхъевича Сайдашева за его обширную благотворительность и за отстаивание интересов татарского общества в различных административных органах называли не иначе как «татарским губернатором» Казани.

Тимербулат Курамшевич Акчурин за благотворительную деятельность во время страшного голода 1880—1881 гг. стал кавалером серебряной, а за широкую благотворительную деятельность в 1895 г. — золотой медали «За усердие» на Станиславской ленте.

Об огромном уровне авторитета в Оренбурге Махмута Хусаинова свидетельствует то, что на его похоронах в 1910 г. собралось свыше 10 тыс. человек, в том числе присутствовали губернатор, городской голова, полицмейстер, директора банков, практически все купцы города.

Говоря об общественной стороне деятельности татарских промышленников, нельзя не остановиться на такой важной её составляющей, как участие в административном управлении. В конце XVIII в. мусульманское купечество получило право работать на выборных должностях в сословных организациях, органах местного самоуправления. В связи с упразднением в 1854 г. отдельной Казанской городской ратуши татарских слобод, в работе Городской думы было разрешено участвовать татарам, но так, чтобы они имели в ней не более 1/3 голосов. После Городской реформы 1870 г., ставшей одной из основных в серии буржуазно-либеральных реформ Александра II, городские думы стали всесословными распорядительными органами, получили относительную самостоятельность в пределах вопросов своей компетенции. Они состояли из гласных (то есть депутатов), избираемых на 4 года. В ведении дум находились вопросы коммуналь-

Здание Казанской городской думы. 1880–1890-е гг.

ного благоустройства городов (освещение, отопление, водоснабжение, очистка, транспорт, устройство дорог, улиц, мостов, набережных), развитие народного образования, здравоохранения, общественного призрения, торговли и промышленности и др. Городская дума имела свой бюджет, формировавшийся из различных местных сборов, значительную долю которых уплачивали владельцы промышленных предприятий. Она выбирала управу — свой исполнительный орган, городского голову.

Участие в учреждённых реформой городского управления 1870 г. органах дало возможность татарским депутатам в городах с

компактным проживанием путём свободного обсуждения, внесения поправок, дополнений, воздействовать на власть, непосредственно представлять интересы татарского населения, активно отстаивать его духовные и культурные интересы, способствовать всемерному укреплению мусульманских общин. Мусульманская группа в Казанской городской думе, состоявшая из предпринимателей и национальной интеллигенции, стремилась превратить этот орган в один из эффективных инструментов экономического, духовно-культурного развития татарского народа. Татарское городское население (общая его численность к началу XX в. составляла око-

Развитие казанского транспорта во 2-й пол. XIX в. — нач. XX в. Барабусы

*Развитие казанского транспорта
во 2-й пол. XIX в. — нач. XX в. Конка*

ло 40 тыс. человек) в Старотатарской и Новотатарской, а также частично в Пороховой и Адмиралтейской слободах Казани вело довольно замкнутую, автономную жизнь. Поэтому депутаты следили за тем, чтобы власти не забывали включать их в общегородские программы реконструкции и развития. Гласные-мусульмане прикладывали много усилий для того, чтобы городская администрация финансово помогала системе нарождающегося новометодного и светского образования, новым культурно-просветительским и благотворительным мусульманским учреждениям. Бурное оживление среди представителей татарского населения в думе также вызывали

вопросы благоустройства, развития здравоохранения.

Большинство татарских гласных городских дум представляли предпринимательские слои. Из числа промышленников гласными Казанской городской думы в течение многих лет избирались Ибр. Г. Юнусов (1871–1886), М. К. Бурнаев (1871–1898), А. Я. (1873–1912) и М. А. Сайдашевы, М. И. Галеев (1875–1905, в 1875–1880 гг. член Городской управы), С. М. Аитов (с 1897-го), М. М., А. М. и М. А. Апааневы (1898–1917). Члены татарской группы, несмотря на частые различия во взглядах и порой непростые межличностные отношения, при решении важных общественных вопросов сплочивались. Лидерами-руководителями группы гласных-мусульман в Городской думе примерно с 70-х гг. XIX в. до начала XX столетия фактически были промышленно-торговые предприниматели М. И. Галеев и А. Я. Сайдашев. По их инициативе Городская дума выделяла средства на Мусульманское благотворительное общество, татарскую библиотеку «Китапхана исламия», новометодные и светские учебные заведения. К 1912 г. 6 из 15 русско-татарских школ и 7 русских классов при медресе финансировались непосредственно городом. Благодаря инициативной работе в думе Ахметзяна Яхьяча, некоторые улицы татарских слобод Казани были мощены камнем и освещены электричеством, проведён водопровод, улучшилась система медицинского обслуживания. М. А. Сайдашев в Городской думе входил в состав училищной, инвентарной, лесной, луговой и

*Развитие казанского транспорта
во 2-й пол. XIX в. —
нач. XX в. Трамвай*

*Вид на Старотатарскую слободу с мечети Марджани.
Нач. XX в.*

других комиссий; в 1911 г. именно он добился решения об асфальтировании двух главных улиц в Старотатарской слободе. Также они занимались в думе целенаправленной деятельностью по защите норм ислама, связанные, например, с ограничением продажи алкоголя в татарских слободах.

Схожим по своим задачам и направлениям было татарское представительство в земских собраниях, также возникших в ходе либерально-буржуазных реформ. Представители промышленной буржуазии, например, А. Ю. Апанаев, А. Я. и М. А. Сайдашевы входили и в земство Казанского уезда. По их инициативе земские органы стали оказывать больше внимания нуждам и проблемам татарских деревень и сёл: выделять средства на

создание особых мусульманских богаделен, организовывать медицинские учреждения, открывать русско-татарские школы, способствовать развитию торговли товарами первой необходимости. Благодаря А. Я. Сайдашеву, в 1895 г. была открыта первая сельская богадельня для мусульман в селении Кутук Карамышской волости Казанского уезда. М. А. Сайдашев входил в комиссию по разработке вопроса об образовании мусульман, благодаря усилиям которой в 1907 г. были приняты установления, дававшие право учреждать школы нового типа в татарских сёлах на средства земств.

Промышленники также были членами словесных судов, осуществлявших устное разбирательство по мелким (до 25 руб.) граж-

*Улица в
Старотатарской
слободе.
Нач. XX в.*

*Инструкция
для опекунов
и попечителей,
назначаемых
сиротскими
судами.
Казань.
1889 г.*

*Здание
Оренбургской
городской
думы.
Современный
вид*

данским делам, имущественным и торговым спорам на сумму до 500 руб., по спорам между работодателями и наёмными работниками. Они избирались в состав отдельного татарского (а с 1896 г. объединённого) сиротского суда, учреждённого для заведования опекой над сиротами и вдовами. Становились заседателями в гражданских и уголовных судах. И. Арсланов был включён в Казанское губернское податное присутствие в число дове-

ренных от купечества для проверки производства и продажи сала, мыла, свечей, керосина, А. Сайдашев — торговли чаем и сахаром.

Начиная с конца 70-х г. XIX в. наиболее уважаемые предприниматели и промышленники Казани: И. И. Апаков, М.-Ю. М. Апаханов, М. М. Азимов, Ибр. Г. Юнусов, М. И. Галеев, М.-Г. И. Утямышев, А. Я. Сайдашев, М.-С. К. Бурнаев, М. А. Ибрагимов от имени всех мусульман возглавили и про-

Большая Проломная улица. Нач. XX в.

Делегаты 2-го Всероссийского съезда мусульман. Санкт-Петербург, 1906 г.

вели ряд массовых петиционных компаний против предпринимаемых властями мер по подчинению и контролю над духовной и просветительской деятельностью махаллей, за отстаивание их традиционной автономии. Они действовали строго в рамках закона, избрав метод deputаций и подачи прошений на имя императора и министра внутренних дел. Так, в 1889 г. А. Сайдашев, М.-С. Бурнаев, Х. Усманов, М.-С. Галикеев собрали 15 800 руб. на поездку одной из deputаций в столицу. Казанцев часто поддерживали оренбургские, уфимские, рязанские, касимовские, иркутские предприниматели. В результате их общими усилиями ряд ограничительных документов удалось отменить.

Татарские предприниматели не замыкались на исключительно национальной и конфессиональной тематике, но и участвовали в решении наиболее важных для всей Казани и губернии вопросов. Таким вопросом была длительная эпопея по соединению Казани с железнодорожной сетью страны. Уже в состав первой deputации 1864 г., направленной в Санкт-Петербург для лоббирования постройки железной дороги через Казань и возглавляемой губернатором М. К. Нарышкиным, входили Ибрагим Юнусов, Ибрагим Апаков, Гали Усманов, Маннаф Мустакимов и др. Через 4 года в состав аналогичной deputации были включены Ибрагим Юнусов и Мухаммадгали Усманов.

Промышленники также энергично работали в органах самоуправления и в других городах со значительной долей татарского населения. В 1871–1875 гг. избирался гласным первого разряда в Симбирскую городскую думу Т. К. Акчурин, с 1913 г. — И. К. Акчурин. А. М.-Г. Хусаинов был гласным Оренбургской (1879–1897) и Казанской (1898–1901) дум. В Оренбургской городской думе в 1913–1917 гг. также работали Ш. М. и Г. Г. Хусаиновы; членом упра-

Здание Городской думы, управы и Общественного банка Симбирска. Нач. XX века.

*Делегаты 3-го
Всероссийского
съезда мусульман.
Нижний Новгород,
1906 г.*

вы был М.-З. М.-С. Рамиев. В Троицкой городской думе большую роль играли гласные А. Г. Яушев (1872–1875), М.-Л. Г. Яушев (с 1880), А.-В. А. Яушев (с 1888 г., М.-Г. А. Яушев (с 1914 г.).

Участие в самоуправлении стало своеобразной школой и основой для включения в дальнейшем представителей промыш-

ленной буржуазии в политическую деятельность. Возможность легального занятия татарскими промышленниками политикой появилась со времени Революции 1905–1907 гг., когда императорским манифестом от 17 октября 1905 г. были даны определённые политические свободы, заложены основы парламентаризма и многопартийности.

Открытие I Государственной думы. 1906 г.

*Мухаммадбадретдин Апанев.
Нач. XX в.*

*Депутаты II Государственной думы от Казанской губернии.
1907 г.*

Политическая активность предпринимателей в основном была связана с участием в проведении всероссийских мусульманских съездов, деятельностью партии «Иттифак аль-муслимин» («Союз мусульман», с 1906 г. «Ботенрусия моселманнары иттифагы» — «Всероссийский союз мусульман») и работой Государственной думы.

В начале XX в. С. М. Аитов и М. А. Апанев принимали активное участие в национально-демократическом движении, являлись членами и финансировали деятельность Казанского бюро партии «Иттифак аль-муслимин». А. Я. Сайдашев в 1905 г. вступил в Торгово-промышленную партию, затем оказывал поддержку в организации и деятельности партии «Иттифак аль-муслимин». В Оренбургское бюро Конституционно-демократической партии входил М.-З. М.-С. Рамиев, позднее он также принимал участие в создании партии «Иттифак аль-муслимин». Членом «Иттифак аль-муслимин» был И. К. Акчурин, который также участвовал в нескольких всероссийских съездах мусульман. Участником I Всероссийского мусульманского съезда в 1905 г. в Нижнем Новгороде был А. М.-Г. Хусаинов. Яушевы — Мулла-Гали Ахмаджанович и Мухаммад-Гали Абдул-Валиевич — участвовали в работе II Всероссийского съезда мусульман в 1906 г. в Санкт-Петербурге. На этих съездах, среди прочего, развернулась острая дискуссия между представителями либеральной буржуазии и левым (социалистическим) крылом во главе с Гаязом Исхаки, которое заявляло о наличии классовых

противоречий и классовой борьбы между буржуазией и эксплуатируемыми классами внутри мусульманского общества.

Из числа крупных промышленников становился депутатом Государственной думы лишь М.-З. Рамиев. Он был избран в состав 1-го созыва в 1906 г., вошёл в бюро мусульманской фракции и стал её казначеем. Но I Государственная дума была распущена менее чем через три месяца после начала работы. Хотя Рамиев и не подписывал «Выборгское воззвание» в знак протеста против роспуска парламента Николаем II и не был лишён политических прав, больше ни он, ни другие промышленники депутатами не становились. Лишь М. А. Сайдашев в 1912 г. участвовал в выборах в VI Государственную думу как кандидат от партии прогрессистов, но не набрал достаточного количества голосов. Сказывалась также необходимость постоянного личного присутствия на предприятиях и участия в делах. Поэтому промышленники не выдвигались непосредственно в депутаты Государственной думы, но активно поддерживали депутатов мусульманской фракции, например, М. М.-Г. Хусаинов в 1909 г. был избран председателем комиссии, призванной организовать финансовую помощь думской мусульманской фракции. Акчурины и Дебердиевы выделяли финансовые средства на издание печатного органа мусульманской фракции в IV Государственной думе — общественно-политической и экономической еженедельной газеты «Миллят» («Нация»), выпускавшегося в Санкт-Петербурге (позднее в Петрограде)

*Гайса
Еникеев.
Нач. XX в.*

в 1913–1915 гг. В 1916 г. было образовано бюро мусульманской фракции. Ежегодно казанские мусульмане сдавали на его содержание 6 тыс., уфимские — 5 тыс., оренбургские — 4 тыс. руб., средства также вносили мусульманское общество Троицка, Орск, Семипалатинск, Москвы, Астрахани.

Также промышленники продвигали в Думу своих доверенных лиц. К близкому окружению Хусаиновых относился Гайса

Хамидуллович Еникеев, бывший депутатом III и VI Государственных дум с 1907 по 1917 г. До этого он преподавал в медресе «Хусаиния», был директором суконной фабрики, расположенной в Симбирской губернии, главным распорядителем учебно-воспитательных и благотворительных учреждений, основанных на средства Ахмета Мухаммадгалиевича Хусаинова. В парламенте он был членом мусульманской фракции, помощником секретаря VI Государственной думы. Так, через доверенных лиц и финансовые вложения промышленники и предприниматели имели возможность влиять на работу мусульманской фракции.

Конечно, наиболее активную и непосредственно руководящую роль в национальном общественно-политическом движении играли представители интеллигенции и духовенства. Торгово-промышленным слоям в большей степени отводилась роль социальной базы, вспомогательной силы, которая занималась финансовой поддержкой каких-либо политических действий. В целом же промышленники старались сохранять лояльность власти и предпочитали тратить больше денег на образование и благотворительность, нежели на политику.

Члены мусульманской фракции II Государственной Думы. 1907 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во второй половине XIX — начале XX в. новые явления в социально-экономическом развитии России привели к первоначальному накоплению национального татарского капитала и широкому вовлечению его в промышленное производство. Это имело далеко идущие социальные последствия и дало толчок к появлению национальной предпринимательской элиты нового типа — открытой к преобразованиям и имевшей активную жизненную и общественную позицию. Включение татарского делового мира в общее социокультурное российское пространство в значительной мере способствовало устранению веками складывавшихся ограничений в отношении татарского общества и замкнутости общины. Промышленники одними из первых пришли к пониманию того, что патриархальный уклад жизни уже не способен эффективно противостоять давлению внешней инокультурной среды, и что для укрепления позиций народа в эпоху буржуазных преобразований нужны решительные изменения, способные превратить татар в экономически развитую нацию с прогрессирующей культурой.

Поэтому татарские предприниматели особое внимание уделяли общественной и благотворительной деятельности, работе в сфере образования и просветительства, культуры и

общественного призрения, в органах местного самоуправления, участии в общественной жизни. Из слоя промышленной буржуазии вышли многие представители татарской интеллигенции — педагоги, журналисты, деятели искусства. Выдающимися татарскими поэтами стали золотопромышленник Мухаммадзакир Рамиев (Дэрдменд) и фабрикант Мухаммад-Юсуф Дебердиев. Новометодные реформы в системе конфессионального образования, выработка новых методов и форм мусульманской благотворительности, создание ряда основополагающих институтов гражданского общества — многопартийной системы, развитой национальной прессы и книгоиздательства, формирование профессионального искусства — за всеми этими новыми явлениями жизни татарского народа, так или иначе, стояли промышленники. Наиболее состоятельные из них в экономическом плане — Акчурины, Рамиевы, Юнусовы, Сайдашевы, Яушевы, Хусаиновы и другие, были наиболее активными и в плане общественной деятельности. Они развивали своё производство во многом для того, чтобы получить средства для повышения материального благосостояния населения, подготовки квалифицированных кадров для экономики, просвещения, науки и культуры. Успех в бизнесе, накопление больших финансовых и материальных ресурсов в результате стремительного развития рыночных отношений и технически передовой промышленности превращались в источник прогресса, в том числе и для татарского общества в целом. Интенсивность и эффективность общественной деятельности татарских промышленников была напрямую связана с результатами их производственно-экономической деятельности. Теперь обновление жизни народа всё больше зависело от татарской буржуазии.

Но для этого требовались не только значительные финансовые затраты, но и настойчивость, потому что обновление практически всех сфер жизни татарского общества началось в условиях господства во многом схоластического мировоззрения и противодействия консерваторов, с одной стороны, и российской власти — с другой. При всём этом необходимо было сохранить и национально-религиозную специфику. Борьба с бедностью и неграмотностью велась промышленниками в том числе с целью недопущения конфессиональной и национальной ассимиляции татар. Отсюда проистекали не только конфликт, но и взаимодействие новаторства-джадидизма и традиционализма-кадимизма.

1-й революционный
мусульманский батальон
Урала.
1918 г.

Промышленники учитывали интересы не только какой-то конкретной локальной мусульманской общины, а нужды всего татарского народа и мусульманского населения России как единого целого. Также объектами их заботы становились и люди других национальностей и конфессий. Это свидетельствует о том, что татарским промышленникам удавалось находить компромисс между национальными и общегосударственными интересами в российских реалиях.

Даже такой активной социальной деятельности оказалось недостаточным, чтобы предотвратить события октября 1917 г. и последовавшую за ним Гражданскую войну, которые привели к коренным общественным переменам. В результате судьба многих промышленников и членов их семей сложились трагически: кто-то

уехал в эмиграцию, кто-то погиб в годы Гражданской войны и репрессий (были и те, кто работал и при советской власти). И об этом в преддверии приближающегося 100-летия Октябрьской революции 1917 г. также необходимо помнить.

Как уже говорилось, мы не ставили в своей работе цели достижения всеохватывающей полноты и объективности в освящении жизни татарской промышленной элиты. Мы остановились в первую очередь на тех моментах, тех традициях татарских промышленников в сферах хозяйственной и общественной деятельности, которые являются ярчайшими примерами гражданского служения людям. Они должны стать безусловным ориентиром для всех современных татарских бизнесменов и представителей всех других народов.

«Ак юл» («Светлый путь»)
Рис. Х. Акчуриной.
1913 г.

Основная литература

Габдрафикова Л. Р. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX — начало XX века). — Казань, 2015.

Гибадуллин М. З. Общие тенденции и особенности формирования капиталов татарской буржуазии России, 1861–1913 гг. : дисс. ... канд. экон. наук. — Казань, 2001.

Девярых Л. И. Люди и судьбы. — Казань, 2003.

Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана. — Казань, 2001. — Т. I–II.

Мухамедеева Л. А. Торгово-промышленная и общественно-политическая деятельность купеческой династии Сайдашевых: вторая половина XIX — начало XX в. : дисс. ... канд. ист. наук. — Казань, 2008.

Нигамедзинов Ф. Ф. Татарское купечество Казанской губернии (конец XIX — начало XX века) : дисс. ... канд. ист. наук. — Казань, 2004.

Рабочий класс Татарии (1861–1980 гг.). — Казань, 1981.

Рафиков А. М. Формирование и деятельность татарского купечества в Вятской губернии во второй половине XIX–XX вв. : дисс. ... канд. ист. наук. — Киров, 2011.

Салихов Р. Р. Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX — начала XX в. — Казань, 2000; *Его же.* Татарская буржуазия Российской империи: взаимодействие с обществом и властью: вторая половина XIX — начало XX в. — Казань, 2006.

Свердлова Л. М. Купечество Казани: дела и люди. — Казань, 1998; *Её же.* Казанское купечество: социально-экономический портрет (конец XVIII — начало XIX в.). — Казань, 2011.

Таиров Н. И. Акчурины. — Казань, 2002; *Его же.* Татарские предприниматели Поволжья и Приуралья в социокультурной жизни России : дисс. ... д-ра ист. наук. — Казань, 2011.

Хасанов Х. Х. Формирование татарской буржуазной нации. — Казань, 1977.

Юсупов А. И. Господа Акчурины. — Казань, 1974.

В книге использованы иллюстрации из архивов
Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ,
Татарского книжного издательства, Г. Э. Рафиковой, Л. Х. Хамидуллина и
из семитомной «Истории татар с древнейших времён» (VI–VII тома).

Научно-популярное издание

Белов Сергей Геннадьевич

ТАТАРСКИЕ ПРОМЫШЛЕННИКИ

Казань. Татарское книжное издательство. 2017

Редактор *И. Ф. Сафин*

Художник и художественный редактор *Р. Х. Хасанишин*

Техническое редактирование и компьютерная вёрстка *С. Н. Нуриевой*

Корректор *А. Р. Миннуллина*

Оригинал-макет подписан в печать 29.05.2017. Формат 60×90 ¹/₈.

Печ. л. 8,5. Тираж 2700 экз. Заказ

ГУП РТ «Татарское книжное издательство».

420066. Казань, ул. Декабристов, 2.

Тел./факс: (843) 519-45-22.

<http://www.tatkniga.ru>

e-mail: info@tatkniga.ru

Фирменные магазины Татарского книжного издательства:

Казань, ул. Баумана, 19. Тел.: (843) 294-70-50.

Казань, ул. Баумана, 29/11. Тел.: (843) 292-03-18.

Казань, ул. Декабристов, 2. Тел.: (843) 519-45-13.

Отдел маркетинга:

Казань, ул. Декабристов, 2. Тел.: (843) 519-45-35.

Интернет-магазин:

<http://www.tatkniga.ru>

Филиал АО «Татмедиа» полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».

420066. Казань, ул. Декабристов, 2.

